

Роман Кузьма

Оттенки
мёртвого

Приключения Энё Негъеши

16+

Роман Кузьма

Оттенки мёртвого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39488803

SelfPub; 2018

Аннотация

Загадочная смерть повергает в ужас жителей маленького ирландского селения. Там, где бессильна полиция, за дело берутся два юных сыщика – Дервал О’Райан и Уолтер Мерфи. Расследование вскоре сталкивает их с «временными», бывшими боевиками ИРА; в события также непостижимым образом замешан венгерский студент по фамилии Негъеши. Наконец, оказывается, что корни страшного преступления тянутся в глубину веков; отважные герои, пренебрегая смертельной опасностью, решаются сразиться с обитающим в мрачном, заброшенном особняке древним Злом...

Содержание

Оттенки мёртвого	4
1	4
2	8
3	13
4	20
5	24
6	28
7	33
8	38
9	45
10	50
11	56
12	62
13	70
14	79
Эпилог	87

Оттенки мёртвого

1

– Он мёртв, – сообщил «гарда»¹ Мерфи, услужливо заглядывая в глаза командиру. Сержант О’Райан в ответ скривил своё румяное, с вислыми, как у бульдога, щёками, лицо.

– Я вижу, что мёртв! – рявкнул О’Райан. – *Почему* он умер?

Раны на теле отсутствовали, однако смерть наступила не по естественным причинам. Труп представлял собой просто бесформенный мешок – из него словно выжали всю жидкость.

– Не от простуды, сэр, это совершенно очевидно. – Мерфи, отслуживший в полиции одиннадцать лет, почти столько же, сколько и его начальник, мог позволить себе подобный сарказм. Они с О’Райаном были знакомы с детства, и многое пережили вместе. Сейчас, чувствуя лёгкий запах спиртного, которым сержант приглушил страх и вечно мучающую его жажду, Мерфи почти не скрывал презрения. О’Райан явно боялся подойти к трупу, так как опасался подхватить неве-

¹ «Гарда» (ирл. – garda) – название ирландской полиции; также – низший чин полиции, полисмен вообще.

домую болезнь.

Раздражение помогло сержанту преодолеть объяснимую в данных обстоятельствах нерешительность. Шагнув вперёд, он грубо толкнул Мерфи в грудь.

– Ты меня не подкалывай! – Волосатая рука сжалась в кулак и приблизилась к самому носу «гарды». Утвердив своё главенствующее положение, О’Райан наклонился над неподвижным телом и попытался сам найти разгадку необъяснимой смерти. При жизни покойник носил фамилию Хили – сорокапятiletний бездельник, он то и дело вступал в какие-то драки, постоянно пьянствовал, однажды его даже осудили на полгода за кражу. Непутёвый был человек, что и говорить.

Любопытство взяло верх над осторожностью и, нарушив сразу несколько пунктов устава, О’Райан приподнял труп за шиворот. Брезгливо скривившись, он тут же отпустил мертвеца, позволив тому вновь уткнуться лицом в асфальт.

– Его будто через соковыжималку пропустили. – Он вопросительно уставился на Мерфи.

«Гарда» пожал плечами.

– Врачу нужно показать. Не спеши его зарывать, Айдан. Кто знает, чем всё обернётся. Вдруг, это какой-то неизвестный вирус – или новое оружие?

О’Райан угрюмо кивнул:

– Ага, марсиане испытания проводят. Мерфи, у тебя, случайно, не белая горячка?

Сержант достал сигареты и вставил одну себе в рот. В руке «гарды» немедленно чиркнула спичка – Мерфи хорошо знал, что такое субординация, по крайней мере, всегда вспоминал о ней достаточно быстро, после нескольких крепких слов.

– Может, он в сушилке лежал, а потом тело решили подбросить на проезжую часть, – сам не веря в свои слова, предположил О’Райан.

– Запаха нет – вроде свежий. – Мерфи, прикурив сам, с сомнением покачал головой. – Опять же: подбросил – кто?

– У нас что, некому покойника заделать? – В маленьких тёмных глазках О’Райана вспыхнул гнев. – «Временные», «реалисты»², бывшие, новые – да кто угодно!

– Хили подчинялся Жерарду Монтегю, если ты об этом, – Мерфи пожал плечами. – Только он давно завязал, да и Монтегю тоже.

– Может, потому и убрали – не хотел нести героический стяг. – О’Райан жадно затянулся и вновь бросил взгляд на мертвеца. – Они все давно завязали, но почему-то список арестов от этого не стал короче!

После ещё одной могучей затяжки, почти прикончившей сигарету, О’Райан отбросил окурочек и недовольно покачал головой.

² Речь идёт об отколовшихся от ИРА радикальных фракциях – PIRA (Provisional Irish Republican Army – Временная ИРА) и RIRA (Real Irish Republican Army – Подлинная ИРА) соответственно.

– Из Дублина приедут – как пить дать. Следовательно, журналисты, телевидение, политики какие-то!.. Вот чего нам здесь только не хватало!

2

О'Райан в этот раз продемонстрировал непривычный для него самый дар предвидения. Не прошло и суток, как затерявшаяся в пограничной зоне деревушка кишела наехавшими из столицы полицейскими чинами и репортёрами. Газетные писаки, несмотря на все старания, не смогли разузнать ничего нового об обстоятельствах загадочной смерти – и тем же вечером начали собираться обратно. Двое из них зашли перед отъездом в «Золотой четырёхлистник», паб, являвшийся подлинной Меккой местных выпивох.

– Расследование замерло в ожидании результатов вскрытия. Труп уезжает в Дублин, – сообщил низкорослый, худощавый Том Галлахер своему приятелю Шимусу Флаэрти. Последний, выше своего собеседника более чем на голову, оторвал перебитый нос от кружки с пивом.

– Нам тоже тут нечего делать: единственная нетривиальная вещь здесь – покойник. – Он перешёл на ирландский. – Какая глушь, Том! Отсюда даже трупы уезжают! Видит бог, покойника можно понять!

– Знал бы ты, сколько здесь патриотов на квадратный сантиметр! – Галлахер огляделся по сторонам, но местные, похоже, не обращали на них внимания.

– Если ты о клопах в гостиничном номере, то их объятия меня не достигнут. Я уже собрал вещи.

– Я и не распаковывал. – Щуплый, подвижный Галлахер пригладил свои усы. – Но вообще-то я о добровольцах³ – этих реликтов прошедшей эпохи здесь пруд пруди.

– Я заметил. – Флаэрти, как всегда сутулился и горбился, чтобы его голова пребывала на одном уровне с лицом собеседника. – И никто не говорит по-ирландски.

Они захихикали.

– Это типично для патриотов – не знать родного языка, особенно когда умираешь за него. – Галлахер оживился. – Кстати, есть кое-что, если ты передумаешь и решишь провести здесь собственное расследование.

– Что именно? Десантники САС⁴? Следы посадки инопланетного корабля?

– Зацепка слабая, но лучше, чем ничего. Иностранец, причём с весьма и весьма причудливыми манерами.

Флаэрти проследил за жестом Галлахера, указавшего через плечо. Там, у стены, в одиночестве занимал столик среднего роста черноволосый молодой человек. Лицо его казалось очень бледным, словно кожи никогда не касались солнечные лучи.

– Венгр. Негъеши – ну и фамилия, язык можно сломать.

³ Добровольцы – здесь: члены ИРА. «Ирландские добровольцы» – прямой перевод названия ИРА, Óglaigh na hÉireann.

⁴ САС, Специальная авиационная служба (SAS, Special Air Service), название разведывательно-диверсионной службы Великобритании. Действующее подразделение – 22-й полк САС.

– Я не пишу ни для «Марвелы», ни для «Тёмной лошади»⁵, Том. Будь он хоть Бела Лугоши⁶, редакция не пустит это в номер.

Галлахер пожал плечами и фыркнул.

– Здесь нет ничего в таком духе, даже привидения не водятся. Странная смерть, странный венгр – больше никаких странностей.

Флаэрти хмыкнул:

– А кто он?

– Студент, этнограф – или историк?.. – Галлахер неуверенно пожал плечами. – Остановился у вдовы Маккарти – это такая бабка шестидесяти лет; большую часть из них – вдова.

Тощий Флаэрти обхватил кружку своими длинными, костистыми пальцами и сделал несколько добрых глотков.

– Дрянной эль, – он скорчил гримасу. – Добавляют спирт. Впрочем, откуда здесь хмель!.. Ну, а этот Лугоши – он кем подрабатывает?

Студенты из Восточной Европы, приезжающие на сезонные работы, давно стали обыденным явлением в Ирландии.

– Он Негъеши. – Галлахер закричал, пытаясь смеяться и пить пиво одновременно. – Самое поразительное о нём –

⁵ “Marvel Comics”, “Dark Horse Comics” – американские издательства комиксов.

⁶ Бела Лугоши – американский киноактёр венгерского происхождения. Прославился многочисленными ролями в фильмах ужасов.

просто турист. Путешествует, за всё платит – но не работает.

– Действительно необычно. – Флаэрти метнул в венгра подозрительный взгляд. – Я бы остался здесь – и даже поучил бы наглеца приличным манерам, но мне не до этого. Что-то по-настоящему интересное?..

– Здесь останется следователь, Грег Макфадден. Типичный свиношейей тупица, которых разводят в нашей «гарде». Я дал ему свою визитку – если что-то проклюнется, Макфадден мне сообщит.

– Вот как, значит, делаются сенсационные журналистские расследования! Сотня евро, визитка – и ждём звонка! – Флаэрти едва слышно рассмеялся. – Ты ведь сообщишь мне, Том?

– За полсотни евро.

– А может, за десять? Я-то настоящие расценки знаю...

Галлахер напустил на себя высокомерный вид.

– Ну, посмотрим. Кстати, вспомнил самое интересное! Вышел фильм про добровольцев, там и канадцы приложились... «Пятьдесят ходячих мертвецов» называется. Правда, неординарное совпадение?

– Ещё не смотрел. – Флаэрти искренне заинтересовался. – Нужно поискать плакаты в национальных цветах – наверняка, он идёт в таком кинотеатре.

– Да, именно в *таком* кинотеатре я его и просмотрел. Стоило назвать этот фильм «Пятьдесят цветов мертвечины» или как-то так.

Флаэрти задумчиво посмотрел на свою пустую кружку, колеблясь, не заказать ли ещё.

– Неплохая идея, Том. Я пишу иногда для «Гардиан»⁷; вероятно, подкину им эту мыслишку⁸...

Тема сменилась ещё дважды, прежде чем разговор окончательно выдохся. Расплатившись, газетчики покинули «Золотой четырёхлистник». Впрочем, самое любопытное осталось вне поля их зрения.

Разговор заезжих писак внимательно слушал некто, понимающий по-ирландски. Звали этого человека Дервал О’Райан.

⁷ «Гардиан» (“The Guardian”), ежедневная английская газета.

⁸ В 2011 г. действительно был опубликован эротический роман английской писательницы Э. Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого», имевший шумный успех и с успехом экранизированный.

Тринадцатилетний мальчишка вышел из паба практически тотчас же после того, как в дверном проёме появилась знакомая до боли фигура отца. Достаточно было силуэту сержанта О'Райана показать свои покатые, но выпрямленные, словно их поддерживала вешалка, плечи, как Дервал шмыгнул на кухню. Прошло всего несколько секунд – и он, торопливо распрощавшись с тёткой Мардж, вышел с чёрного хода.

Стоял холодный октябрьский вечер. Зябко поёживаясь, Дервал замотал нижнюю половину лица шарфом и, застегнув куртку, поспешил домой. В пути, ругая себя за то, что не взял шапку, он обдумывал всё то, что посчастливилось подслушать этим вечером. Дервал нередко заходил к тётке Мардж на кухню «Золотого четырёхлистника» – и наблюдал за всеми посетителями, особенно за теми, кого отец его относил к категории подозрительных. Частные расследования, вообще, стали его хобби ещё в девятилетнем возрасте, с тех самых пор, как он прочёл все рассказы Дойла⁹ и пару романов Агаты Кристи.

Вопрос о выборе профессии для Дервала не стоял – он станет полицейским, как и его отец. Разумеется, перспектива превратиться в вечно подвыпившего провинциального сер-

⁹ Имеется в виду Артур Конан Дойл, автор детективных рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе и его спутнике докторе Уотсоне.

жанта не прельщала юного О'Райана, поэтому он стремился к знанию. Учиться сызмальства – такой он избрал путь, во многом благодаря школьным учителям, старательно наставлявшим его.

Одноклассники обзывали Дервала шпиком, хотя лишь немногие отваживались делать это в глаза – для своих лет он обладал весьма развитыми мышцами. Вкупе с высоким ростом, унаследованным от родственников по материнской линии, это превращало голубоглазого рыжеволосого юношу в серьёзную проблему для любого сверстника, который рискнул бы бросить ему вызов.

– Куда торопишься, Дервал? – От неожиданности мальчик вздрогнул. Перед ним стоял его закадычный приятель Уолтер Мерфи. Им казалось это естественным: дружить, когда их родители служат вместе. Дервал обычно выступал заводилой в их играх, в первую очередь, в тех, что касались «расследований»; сам он объяснял это отсутствием у Мерфи-младшего инициативности. Привычка идти на поводу у других, в целом, отличала и его отца, поэтому здесь приходилось констатировать присутствие неких врождённых черт характера, «стигмы», как выражались раньше.

Дервал приблизился к Уолтеру. Тот уступал ему ростом, но казался несколько полнее. Из одежды на нём были чёрные полуботинки, линялые голубые джинсы – и шерстяная куртка в сине-чёрно-белую клетку. На голове плотно сидела тёмно-серая шапочка, из-под которой снисходительно по-

блэскивали зелёные глаза.

– Чёрт! Ты меня напугал. – Дервал подозрительно оглянулся по сторонам, но улица, совершенно неосвещённая, казалась безлюдной. – Я был в «Золотом четырёхлистнике», слушал двух болтливых приезжих.

– Да? – Мерфи-младший изобразил на своём округлом лице вежливое любопытство. – Что-то растрепали?

– Да что они могут знать! – отмахнулся Дервал. – Два самовлюблённых осла – думают, здесь никто не понимает по-ирландски!

Ирландскому их учили в школе, и Дервал регулярно приносил домой хорошие отметки. В нескольких предложениях – на более привычном обоим английском¹⁰ – он обрисовал картину.

– Смерть исключительно загадочная. – Эту, прозвучавшую несколько напыщенно, фразу Дервал почерпнул из одного триллера, обнаруженного в школьной библиотеке. – Расследовать её назначили какого-то Макфаддена из Дублина, но от него ничего путного не дождёшься. Думаю, нам следует взвалить на себя всё бремя ответственности – и обнаружить ключ к этой китайской головоломке.

Монолог, скроенный из цитат нескольких авторов, привёл

¹⁰ По состоянию на 2002 г., лишь 1,57 млн. жителей Ирландии в возрасте от 3 лет и старше (42,8%), владеют ирландским языком, но из них лишь 339, 5 тыс. чел. (около 7% от общей численности населения) пользуются ирландским в повседневном общении. Английский является языком повседневного общения в Ирландии; он также является государственным языком, наравне с ирландским.

Мерфи-младшего в замешательство.

– Китайской? В деле замешаны китайцы?

Дервал застонал, как делал его отец, сталкиваясь с непреодолимой тупостью.

– Не китайской. Это крылатое выражение такое. – Он замялся. – Впрочем, подозреваемый у нас есть – и он иностранец.

Мерфи-младший сразу вспомнил о Негъеши – других иностранцев в округе не было уже несколько лет, с тех самых пор как «томми» демонтировали свой блокпост по ту сторону границы.

– Этот венгр? Вдова Маккарти так и говорит, что он – вампир.

Уолтер самодовольно засунул руки в карманы и выпятил грудь, как большой босс. Выпал редкий случай, когда он знал больше, и Дервалу пришлось проглотить эту пилюлю.

– Ты говорил с вдовой Маккарти?

Уолтер уставился в ночное небо и начал тихонько насвистывать.

– Уолтер, господи, не выделывайся. Просто скажи мне. – Дервал почувствовал, что краснеет.

Вместо ответа Мерфи-младший лишь отвернулся и продолжил мурлыкать себе под нос нехитрый мотивчик.

– Прошу, умоляю тебя!

Дождавшись желаемого, Уолтер победоносно ухмыльнулся.

– Так-то, мистер Всезнайка. С ней говорил мой папаша – по указанию начальства. – Дервал стиснул зубы так, что лицо его свело, словно в судороге – с ним-то отец, разумеется, никогда не делился подобными деталями. – Вдова Маккарти утверждает: более диковинного постояльца отродясь не видывала, а у неё-то всякие добровольцы кантовались – и «временные», и «реалисты»...

– И тот английский шпион – тоже, – закончил за товарища О’Райан-младший.

Уолтер кивнул – и они вместе, словно по команде, посмотрели туда, где, всего в двухстах метрах к северу, некогда стоял блокпост. В восемьдесят девятом, когда их обоих и на свете не было, там случился взрыв: один парашютист погиб, ещё четверо получили ранения. Когда следствие, казалось, окончательно зашло в тупик, и Монтегю с его подручными принялись праздновать победу, неожиданно объявился тот англичанин. Он утверждал, что родом из Белфаста, но в такие сказки никто не верил. Добровольцы сперва поглядывали косо, а потом начали точить ножи. Дело шло к очередному убийству, однако британцы сумели нанести упреждающий удар. Несколько боевиков в чёрных масках, приехавших на угнанной накануне машине, расстреляли всю команду Монтегю из автоматов прямо у входа в «Золотой четырёхлистник». Трое погибло, сам Монтегю, получив пулевые ранения в ногу и грудь, чудом выжил.

Дервал сжал кулаки. Преступление это, совершённое

убийцами из САС, до сих пор оставалось нераскрытым. Вдове Маккарти никто не обвинял напрямую – её муж погиб в Ольстере, – однако с тех пор она существовала словно бы в изоляции. Стоило ей войти куда-то, все умолкали, как на кладбище. Она вела нелюдимый образ жизни, и посещала продуктовую лавку не чаще, чем раз в неделю. Сейчас её считали просто полубезумной ведьмой, не более, хотя, поговаривали, в своё время она считалась первой красавицей в графстве; ей прочили место в руководстве «временных»... пока та злополучная операция не провалилась.

– Она приносит нам несчастье, – заявил неожиданно для себя Дервал. – Теперь ещё этот венгр – говорят, он как-то повинен в смерти Хили.

– Да-да, – закивал Уолтер. – Вдова папе врубила напрямик: венгр – чисто упырь какой-то. Он никогда не молится, а руки у него холодные, как лёд.

Мерфи-младший широко раскрыл глаза, будто испугался. Небось, он забыл, что говорит не с девчонкой – те любят, когда их запугивают страшными историями. Оставалось только покачать головой в ответ, ведь в суд с этим не пойдёшь – так любил говаривать О’Райан-старший.

– Чертовски подозрительная личность, – с иронией протянул Дервал. – А уж улики – те воистину изобличающие!

Уолтер надулся – похоже, ему не понравилось такое пренебрежительное отношение к собранной им информации. Он зачихнул руки в карманы и спрятал лицо в поднятый во-

ротник куртки.

– Как знаешь. Есть другие версии?

Утром, едва чернильную ночь разбавило серым, оранжевым и жёлтым – цветами занимающейся зари, – Дервала разбудил противный, вечно злящий его, трезвон. То дребезжал старенький заводной будильник; звук его поразительно походил на голос миссис Мур, пятидесятилетней учительницы математики. Контрольные по алгебре и геометрии, как и последующие неприятные разговоры с отцом, представляли собой непрестанную угрозу душевному равновесию мальчика.

Вынырнув на мгновение из-под тёплого кокона одеяла, его рука прихлопнула железный колпак; будильник утих.

Прошло ещё несколько минут, прежде чем он, с трудом преодолев желание проспать до полудня, вылез из постели. Ноги его сами нащупали тапки на полу; Дервал включил свет и прошёл, едва не споткнувшись о порог, в туалет. Завтрак ему предстояло приготовить самому – более того, и для отца тоже. О’Райан-старший уже почти год доверял ему столь высокую честь – готовить сержанту полиции, проживающему в их доме.

Обнаружив в кофейнике с пол-литра кофе, заваренного вечером, Дервал поставил его на электроплиту. Сковорода, на которой предстояло разместить яичницу с беконом на двоих, проследовала тем же путём.

Теперь, выкrojив свободную минутку, можно было, сде-

лав щёткой по несколько движений взад-вперёд, торопливо почистить зубы. Едва он покончил с данным занятием, появился отец. В трусах и майке, выставив напоказ свой пивной живот, он неразборчиво пробурчал что-то и единственным нетерпеливым жестом прогнал Дервала на кухню. Подскочив к холодильнику, тот достал бекон и сливочное масло.

Вскоре их нехитрая трапеза началась. Кушали О'Райаны в полном молчании. Такой порядок стал нормой с тех самых пор, как мать Дервала покинула их. Миссис О'Райан не жила здесь уже более четырёх лет, с тех самых пор, как уехала в Дублин и подала на развод. Отец не любил говорить на эту тему, а Дервал старался не сердить его без нужды, и исчезновение матери стало для него состоявшимся фактом. Как и многое другое, это не подлежало обсуждению.

Отец довёз его до школы; едва Дервал покинул салон, автомобиль взвизгнул покрышками и умчался в направлении полицейского участка.

Весь день он пребывал в рассеянном настроении – голова была забита мыслями о предстоящем вечером мероприятии; как назло, учителя поспешили воспользоваться тем, что в книгах именуется «минутной слабостью», и стали вызывали его к доске. Трижды! Дервал схлопотал две оценки «удовлетворительно» и даже один «неуд». Последнее хранило в себе грозное предвестие отцовского гнева, но мальчик, погружённый в грандиозные замыслы, воспринял случившееся с удивившим его самого спокойствием.

Впрочем, перечень неприятностей, заготовленных ему на день средним учебным заведением, этим не исчерпался. На одной из перемен он столкнулся нос к носу с Бренданом Манганом, учившимся на два класса старше. Четырнадцатилетний Манган превосходил Дервала в силе – и немедленно этим воспользовался, оттолкнув того едва ли не к противоположной стене коридора.

– Смотри, куда лезешь, О’Райан! – оскалился Манган. Его дружки немедленно загоготали, словно увидели нечто жутко смешное.

– Не толкайся, дылда! – Дервал сжал руки в кулаки. Манган вновь толкнул его, сам оставаясь на недостижимом расстоянии.

– Ты ещё слишком мелкий, чтобы со мной спорить. – Лицо Мангана, обрамлённое шапкой тёмных волос, имело правильную, овальную форму – и от этого обладало несомненной красотой; сейчас оно презрительно кривилось. – Вечно вынюхиваешь что-то, как и все вонючие «гарды», а потом доносишь учителям! Вон уже идёт один – наверняка всё было подстроено!

То было неправдоподобное и совершенно надуманное обвинение. Дервал завертел головой, разыскивая учителя, о котором упомянул Манган. Мимо прошествовал учитель истории, мистер Маккеон – сухой, подтянутый, как всегда, в накрахмаленном воротничке.

Взоры свидетелей скрестились на О’Райане-младшем.

Несмотря на искреннее желание пожаловаться, тот был вынужден промолчать. Крепко сжав зубы, он почувствовал, как краснеет; ногти его впились в ладони, оставив красные борозды.

Манган снисходительно фыркнул.

– Ладно, мы ещё вернёмся к этому, маленький доносчик.

Но не здесь, не при людях...

Очевидная угроза не испугала Дервала. Решительно блеснув глазами, он пошёл в свой класс.

Вернувшись домой, Дервал не стал тратить время на возню с домашним заданием, а сразу пошёл к дому Мерфи. Тот был на год младше, и сегодня уроки у него заканчивались раньше.

Стоило нажать кнопку звонка, как дверь распахнулась, и показалась щекастая физиономия его приятеля. Сюрпризом оказалось увидеть её изукрашенной синяком. Область под левым глазом уже приобрела типичный красно-синий цвет, обещая на ближайшие несколько дней превратить Уолтера в объект всеобщих насмешек.

– Я сейчас – только оденусь, – буркнул Уолтер и исчез за дверью. Прошло несколько минут, которые Дервал провёл, мучаясь бесплодными догадками, прежде чем Уолтер появился вновь. Он надвинул шапку на самые брови и, угрюмо посматривая по сторонам, вышел на улицу.

– Кто это тебя? – Дервала разбирало любопытство. – А то ты не знаешь?

В голосе Уолтера сквозило явственное недоверие. Он бросил на друга быстрый взгляд, словно ища признаки чего-то.

– Я думал, уже всей школе известно, – протянул он, наконец. – Это Кабан О’Нил – поймал меня уже у самого выхода. Один раз двинул... Я чуть не ослеп!..

– Да нет, зрение останется при тебе – я так думаю, – с

искренним сочувствием ответил Дервал. Кабана О'Нила он знал – рослый, бездумный громила вечно крутился с Манганом; тут же пришлось поделиться и собственным опытом общения с этой шайкой.

– Тебе меньше влетело, – с завистью заметил Уолтер. – Я уже звонил своему старику; он говорит, всё дело в Монтегю. Тот как раз вернулся.

– Хромой Монтегю вернулся? – потрясённо переспросил Дервал. – Не может быть!..

В деревне все знали, что мать Мангана некогда водилась с Монтегю; она до сих пор привлекала внимание мужчин, но немногие, опасаясь Хромого, решались к ней подступиться – даже в его отсутствие. У Эдны Манган были длинные волосы цвета воронового крыла и большие серые глаза, выразительно поблёскивавшие с идеальной формы лица. Когда она говорила, её розовые губы чувственно изгибались, словно обещая неземные ласки. Стройная фигура, соблазнительно гибкая и с высокой грудью и пышными бёдрами, одним своим видом подтверждала: её владелица способна удовлетворить притязания и самого взыскательного мужчины. Брендан родился вне брака; отцом называли Хромого Монтегю, хотя, поговаривали, Эдна имела связь и с его отцом, Проклятым Монтегю. У кого же ещё ей было набраться всех этих колдовских умений? Деревенские женщины, несмотря на единокордную ненависть, частенько захаживали к Эдне – та, по слухам, умела не только гадать, но и готовить приворотное

зелье.

Монтегю вернулся! Дервал бросил невольный взгляд на заброшенный двухэтажный особняк, одиноко возвышавшийся на отдалённом холме. Расположенный как раз рядом с границей – хотя граница эта являлась, скорее, условным понятием, нежели чёткой линией, – он казался нежилым. Тэхмор-менор¹¹, принадлежащий роду Монтегю почти два столетия, пустовал с момента смерти Найалла Монтегю, прозванного Проклятым. Умер тот загадочной и, как все единодушно полагали, противостественной смертью более десяти лет назад. Жерард Монтегю, его единственный сын, бросил всё и немедленно уехал неизвестно куда; ходили упорные слухи, что он умер.

– Хромой снова здесь. – Дервал заскрежетал зубами – ничего хорошего от любого из рода Монтегю ожидать не приходилось, тем паче от Жерарда. – Что ж, это многое объясняет.

– Пойдём, посмотрим? – Уолтер кивнул в сторону дома.

Они прошли несколько сот метров вдоль шоссе, а потом, едва не разорвав одежду, проникли через дыру в проволочном заборе на наследственные земли Монтегю. В прошлом те являлись крупными помещиками, однако репутация их сильно пострадала от разного рода тёмных историй. Люди открыто говорили о связях с нечистой силой и о способно-

¹¹ Teach mór (ирл.) – «большой дом». «Менор» (англ. manor), или «помесье», обычная приставка к названию дома землевладельца в Великобритании.

стях к колдовству и чёрной магии, которыми якобы обладали представители этого семейства. Монтегю давно растеряли большую часть своего состояния и уважения; Хромой считался последним представителем угасающего рода.

Мальчики шли по давно не возделываемому полю около пяти минут, прежде чем Дервал, резко остановившись, схватил своего друга за руку.

– Слышишь? – напряжённо спросил он.

Уолтер кивнул:

– Вроде молотки стучат.

Дервал потянул его в обратную сторону.

– Тогда уходим. Хромой действительно там, и он приводит дом в порядок. Но лучше чтобы нас никто не видел – этот дьявол из тех, что стреляет в гостей без предупреждения.

Они пошли назад, с каждой минутой, словно против своей воли, ускоряя шаг. К дыре в заборе мальчишки приблизились почти бегом и, едва не отталкивая друг друга, поспешно вылезли за пределы владений Хромого.

– Уф! – радостно выдохнул Дервал. – Я испугался – просто ужас! Думал, он смотрит на нас в прицел – и вот-вот пальнёт!

Уолтер, тщательно осматривавший себя в поисках грязи и репейника, промолчал. Впрочем, его едва ли не позеленевшее от испуга лицо говорило само за себя.

Последующие несколько минут они провели на ходу, оживлённо обсуждая убийства, приписываемые Хромому. Наконец Дервал вспомнил об их планах на вечер.

– Ты всё взял? – спросил он Уолтера.

Тот похлопал себя по груди – там, где у куртки размещён внутренний карман.

– Всё здесь. А ты?

Дервал натужно рассмеялся:

– Тоже есть кое-что. Пришлось наведаться в святая святых моего старика – он мне голову оторвёт, если узнает.

Уже темнело, и они сочли необходимым поторопиться. Человек, за которым эти два отчаянных подростка решили проследить, всегда выходил из «Золотого четырёхлистника» в одно и то же время. Вернее, время менялось, но Негъеши –

а речь идёт о нём – неизменно выбирал момент, когда начинало смеркаться. Дервал подметил ещё одну странную особенность в распорядке дня венгра: тот никогда не выходил на улицу в солнечную погоду.

– Он точно вампир, – возбуждённо прошептал Дервал. Правая рука его сама нащупала короткий деревянный кол, заткнутый за пояс. Он не знал наверняка, осиновый ли тот, но полагал, что хоть какой-то кол лучше, чем никакого. Такой же, обструганный собственноручно, при помощи ножа, кол имел при себе и Уолтер.

Также они прихватили с собой распятие, чеснок – и столовый серебряный нож. Тот был без острия и почти тупой, но считалось, что важнее всего сам факт того, что он серебряный. По крайней мере, именно к такому выводу пришёл Дервал, изучая все книги и фильмы о вампирах. Сейчас он молился о том, чтобы отец не вздумал вдруг проверить комплектацию сервизов.

– Что делаем с чесноком?

Дервал посвятил размышлениям на эту тему весь день и, как ему казалось, нашёл решение. Чеснока у них имелось пять головок – вполне достаточно, по его мнению.

– Оставим себе по одной дольке, а всем остальным натрём асфальт перед калиткой – и ручку.

Уолтер опасно посмотрел на дом вдовы Маккарти.

– А старуха нас не увидит?

Дервал пожал плечами:

– Постарайся делать всё как можно естественнее, чтобы не привлекать лишних подозрений. В конце концов, она, даже если и застукает нас, не сильно разозлится. Ведь она сама пожаловалась, будто этот Негъеши – вампир.

Мальчишки тут же принялись за дело, и в считанные минуты выполнили задуманное. Судя по всему, им посчастливилось остаться незамеченными. Наконец, отойдя в тень росшей в отдалении яблони, друзья стали ждать.

Прошло более четверти часа – период, показавшийся Дервалу наполненным самой беспокойной разновидностью волнения и страха, – прежде чем вдали показался знакомый силуэт.

– Это он, – прошептал ему в самое ухо Уолтер.

Венгр, напившись, по обыкновению, пива, возвращался к ужину. Вдова Маккарти обычно готовила ему ирландское рагу или жареную рыбу с картошкой.

Дервал, наблюдая, как Негъеши приближается к участку улицы, намазанному чесноком, ощутил собственную дрожь. Кровь стучала у него в висках. Они не собирались вступать в бой, за исключением самого крайнего случая, но тщательно подготовились к подобному повороту событий. Оба имели колья, у Дервала дополнительно при себе был нож, у Уолтера – распятие.

Негъеши будто застыл, не решаясь опустить уже поднятую ногу. Наконец, покачав с некоторым удивлением головой, он присмотрел место, которое показалось ему подходящим, и

совершил изящный прыжок.

Дервал едва не застонал от разочарования – венгр обошёл первую их ловушку. Впрочем, вторая и вовсе не составила для Негьеши затруднений – он попросту поднял валявшуюся неподалёку обломанную ветку и осторожно надавил на дверную ручку. Жалобно скрипнув, калитка открылась.

– Видишь? – Даже в темноте видны были белки расширившихся глаз Уолтера. – Он боится чеснока.

Дервал оттолкнул его коротким движением локтя. На самом деле это ничего не доказывало. В конечном итоге, кто-то мог проследить за ними – и сообщил Негьеши. Они сами могли стать жертвой розыгрыша.

Тем не менее, страх, вязкий и холодный, не отпускал. Дервал сжимал кол и нож так, что костяшки его пальцев побелели. Негьеши вошёл в калитку, и из груди мальчика уже готов был вырваться вздох облегчения, как венгр вдруг замер и обернулся. Его взгляд немедленно нащупал Дервала, несмотря на крошечную темноту.

Дервал, хотя и готовился к чему-то подобному, ощутил, как храбрость немедленно оставила его. Он был буквально обездвижен мощной, леденящей волной, исходившей от иностранца. Источником её, несомненно, выступили глаза – два источающих мертвенно-бледный свет огонька. Это было как увидеть на человеческом с виду лице пару электрических, бездушных лампочек.

Секунды, казавшиеся бесконечными, тянулись невозмож-

но долго. Наконец, так и не сказав ни слова, Негъеши прошёл во двор и захлопнул за собой калитку.

Избавиться от Уолтера, который, подобно ему, пребывал в весьма возбуждённом состоянии, оказалось непросто. Тем не менее, Дервал, ощущавший настойчивую необходимость всё хорошенько обдумать наедине, распрощался с приятелем и поспешил домой. Его быстрые, широкие шаги, выбивали гулкое эхо из дорожного покрытия, а холодный воздух колот лёгкие тысячами ледяных иголок. Тем не менее, Дервал, в конце концов, перешёл на бег, словно спасался от чего-то.

Его действительно преследовало нечто – то, что иначе как страхом, он назвать не мог. Страхом и стыдом. Да, он чувствовал стыд – жгучий, неприятный, как пощёчина. Тот и впрямь следовал за ним по пятам.

Мысли Дервала путались. Приблизившись к калитке родного дома, он заметил припаркованный поблизости автомобиль. Сочетание цвета, марки и типа кузова показалось ему незнакомым – очевидно, машина принадлежала приезжему. Кому-то, кто приехал к О'Райанам.

Каким-то неведомым науке чувством Дервал знал, что загадочный гость сейчас разговаривает с отцом и что тема разговора связана со смертью Хили и с Жерардом Монтегю. Словно наэлектризованный, он, буквально стораю от любопытства, вошёл в прихожую... и услышал голоса, доносящи-

еся из гостиной. Голос отца, чуть хрипловатый бас, он узнал тотчас же, в то время как второй, неожиданно мягкий для мужчины баритон, не вызывал в памяти никаких ассоциаций.

Он ступил в гостиную и поздоровался с человеком, которого отец представил как Грега Макфаддена. Том Галлахер, описавший следователя как типичного полицейского, не солгал: цепкий взгляд, крепкое рукопожатие, отличная, несмотря на упитанность, выправка – всё это присутствовало в облике Макфаддена. Русоволосый и сероглазый, он, подобно отцу, был в штатском.

– Мой сын, Дервал. – Представив его, отец тут же легонько мотнул головой, указывая на дверь. Здесь ему делать нечего.

Понимающе кивнув, Дервал отвернулся, чтобы спрятать улыбку, и вышел. Ранее ему многократно случалось обходить запреты отца, и этот случай обещал присоединиться к длинной череде точно таких же. Пройдя в свою комнату и разложив, на случай проверки, учебники на столе, Дервал взял в руки кружку. То была самая обычная кружка для чая – крупная, ровно на треть литра, покрытая красной глазурью. Приставив её к стене и приложив ухо, можно было отлично слышать всё, что говорили в соседней комнате.

Разговор действительно вращался вокруг служебных вопросов, в частности, вокруг смерти Хили.

– Мы могли бы закрыть дело хоть сейчас. – Баритон Макфаддена глухо отдавался в стенках самодельного прослуши-

вающего устройства. – Следов насилия нет, значит, и говорить не о чем. Сам знаешь, так не убивают.

Отец выдал в ответ что-то неразборчивое, что Дервал истолковал как «к-г-м-м».

– С другой стороны, так и не умирают, – продолжил Макфадден. – Трудно назвать естественной смерть, когда труп потерял всю свою кровь, идя по шоссе.

– Только черти знают, в чём загвоздка, – ответил одним из своих излюбленных выражений отец. Дервал мысленно закончил за него: «Черти – и Монтегю».

– Ты думаешь, он придёт? – поинтересовался Макфадден.

– Почему нет? Он ведь обещал; да это и в его интересах: Хили ведь был его человеком.

Макфадден издал звук, похожий на «г-г-г-м».

– Монтегю вернулся после долгих лет отсутствия. Один из его бывших боевиков неожиданно и скоропостижно скончался, причём обстоятельства более чем загадочны. Похоже на расправу над непокорным. Думаю, в интересах Монтегю – скрываться.

Дервал разделял подозрения следователя, но в то, что Хромой испугается «гарды», не слишком верил. Он с трудом подавил смешок: Монтегю и их приспешники всегда давали понять окружающим, что это они здесь – власть, закон и господь бог. Даже сейчас.

– Он принадлежал к «временным». – Макфадден говорил с лёгкой тенью неуверенности, словно спрашивал подтвер-

ждения более осведомлённого собеседника. Видимо, дождавшись такового – Дервал живо представил себе, как его отец кивает, – следователь продолжал. – Но каковы были средства его доходов?

– Как обычно: вымогательство, рэкет всех сортов – и контрабанда. Я слышал, – О’Райан-старший издал короткий, почти неслышный смешок, – под Тэхмор-менор прорыт подземный ход. Он ведёт на *ту сторону* – через него раньше гнали скот в обход блокпоста. Разница в ценах на говядину давала существенную прибыль.

– Ага, понятно, – протянул Макфадден. – Можно представить себе этот скот: проститутки, добровольцы, наркота – всё и сразу!

Дервал услышал, как отец встаёт из кресла и отпирает сервант. Звякнул, раскручиваясь, колпачок – и две рюмки наполнились виски.

– После того, как САС провели здесь рейд, и Монтегю охромел, расследование многое вскрыло. Он всё бросил и смылся неизвестно куда. У следствия руки так и не дошли до бесхозного имения, а потом подписали договор Страстной пятницы¹², и все эти вопросы стали неактуальными.

Двое «гард» втянули в себя содержимое рюмок и крякну-

¹² Речь идёт о соглашении, подписанном 15 апреля 1998 г. в Белфасте представителями правительства Великобритании и руководством основных политических партий Северной Ирландии. Суть его заключается в отказе от вооружённой борьбы со стороны ИРА – и в передаче самоуправления местным выборным властям со стороны британцев.

ли.

– Ясно, Айдан. Значит, ты имел какие – то отчисления с этих окороков?

В ответ послышался громкий смех.

– Нет, конечно! Что ты, Грег! – Сержант О’Райан умолк и заговорил более серьёзно. – А ты как думаешь? Моего предшественника на этой должности уволили, а меня не стали. Вот и вся история.

– Ну, история-то типичная, – согласился Макфадден. – Но кто выпил кровь из Хили?

Дервал был уверен, что отец сейчас пожимает плечами в ответ.

– О Монтегию здесь многое говорят, и очень редко когда – хорошее. Всегда ходили слухи – я им, конечно, не верю, – будто это семейство заключило договор с дьяволом.

– Ага, всё-таки объяснение есть! – рассмеялся в свою очередь следователь. – Кровь из покойника кровосос выпил. Леший, ведьмак и вампир – ни больше не меньше!

До слуха Дервала донёсся звук приближающейся машины. Ахнули тормоза, смолк рокот двигателя – автомобиль остановился. Мальчик осторожно выглянул в окно, одновременно продолжая слушать разговор «гард».

– Кто бы он ни был, но Монтегию приехал. – Сержант О’Райан добавил неприличное словцо. – Пойду, впусти его.

Монтегю действительно прихрамывал, Дервал смог разглядеть это даже в потёмках. Глядя на овечьего легендами командира «временных» поверх подоконника, он испытывал смешанные чувства. Хромой был высок, выше отца, несмотря на принуждавшее его склоняться увечье. Из-под клетчатой серой кепки с опущенными наушниками выбивались золотистые, совсем не как у черноволосых Эдны и её сына, кудри. Отец крепко сжал руку гостя повыше локтя, словно встретил старого друга, и провёл его в дом.

Смертельно заинтригованный, Дервал немедленно прильнул к своей кружке.

– Рад видеть вас, Жерард, на ирландской земле, – приветствовал Монтегю следователь. – Я – лейтенант Макфадден, расследую смерть Дерека Хили.

Дервал был поражён. Во всех книгах, которые ему довелось прочесть, следователь никогда не раскрывал своих карт вот так сразу, с первой секунды знакомства. Впрочем, следователи в тех книгах также не имели привычки распивать виски с подозреваемыми, а именно этим, учитывая знакомое бульканье и позвякивание, трое мужчин сейчас и занимались.

– Я, лейтенант Макфадден, и не покидал родной земли. – Монтегю быстро управился со своей разогревочной дозой и

устроился, судя по скрипу, в одном из кресел. – Я пребывал в Белфасте всё это время, занимался бизнесом.

– Белфаст – территория сопредельного государства, и не относится к моей юрисдикции, – недовольно ответил Макфадден. – И всё же, любопытства ради: бизнес легальный?

Монтегю ответил после короткой запинки – видимо, для начала он улыбнулся.

– Не вполне официальный... Но мои знакомые в Дублине – а вы не поверите, насколько они высокопоставленные – считают его... допустимым.

Макфадден неловко заёрзал в кресле.

– ... И, учитывая то, что мои предки владеют здесь землями уже восемь поколений, это я приветствую вас на нашей земле – и прошу прощения за то, что гостеприимство вам оказываю не лично. Впрочем, сержант О'Райан, которого я знаю с детства, многое вам объяснит – и при необходимости передаст.

В воображении Дервала мигом всплыла пачка купюр, передаваемая следователю через его отца. Взятничество, извечный спутник власти, скрывало под своей мантией множество нераскрытых преступлений.

Однако следователя Макфаддена не так-то легко было сбить с толку.

– У меня чёткие указания расследовать смерть Хили. Указания получены из Дублина – и о каких-либо ограничениях в следственных действиях на ваш счёт мне не говорили.

Обида, смешанная с раздражением, слышалась в голосе лейтенанта. В разговор вмешался отец, явно стремившийся избежать назревавшей ссоры.

– У Жерарда есть привычка вести себя не в меру начальственно, ему не раз на это пеняли. Однако, Грег, я попросил бы простить это человеку, который давно не был дома – и к тому же некогда тяжело пострадал от наёмных британских убийц. Достоинства моего друга детства многократно выше того, что похоже на недостатки, в этом можешь мне всецело довериться.

Дервал почувствовал, как его уши горят, словно в его личных вещах опять обнаружили порнографические журналы. В этот миг ему стало невыразимо стыдно за отца.

– Да, ты прав, Айдан, – проворчал Макфадден. – Однако же вопрос этот я должен задать, и, полагаю, лучше сделать это здесь, чем в официальной обстановке. Жерард, что вы скажете о Хили – и о причинах его смерти?

Монтегю неопределённо, как показалось Дервалу, даже презрительно, хмыкнул.

– Я разговаривал с ним накануне – в «Золотом четырёхлистнике». Дерек уже к тому времени порядком налился и хотел взять в долг у меня немного денег, но я отказал – просто потому, что не люблю бездельников. – Монтегю помолчал. – Я повёз его к себе в имение, показал, что нужно сделать, если он хочет заработать.

– Что-то легальное?

– Вполне. Подсобные работы на стройке. – Монтегю коротко хохотнул. – Правда, с официальным трудоустройством я, конечно, помочь не мог – и тут, видимо, у налоговиков могут возникнуть ко мне претензии.

– Я не занимаюсь налогами, – почти сердито ответил Макфадден. – В котором часу он от вас вышел?

– Ну... Мы немного выпили, вспомнили старые времена...

– Договорились о чём-нибудь? – Макфадден перебил собеседника, в его голосе слышалось нетерпение.

– Да вы его знали, вообще? – вдруг взъелся Монтегю. – Он ничего и никогда не хотел делать, лень была проклятьем его семьи, лень и пьянство. Добиться от Дерека исполнения простейшего задания всегда было проблемой, а прийти вовремя он не умел никогда!

– Его необязательность меня не интересует – лишь причина смерти, – голос Макфаддена стал холодным и официальным. – В котором часу он вышел от вас?

– О боже, лейтенант, вы ведь не подозреваете меня? – Жерард всплеснул руками. – Я угостил его выпивкой, он обещал подумать – и ушёл в ночь. Да и чёрт с ним!

Дервал пожалел, что не видит выражения лица Монтегю. Последние слова показались ему сказанными неожиданно злым тоном.

– Угу. Ясно, – подытожил Макфадден. – А во сколько он вышел?

– Перевалило за полночь, но не более того. Уверен, час ночи ещё не наступил. Наверняка.

– Пон-нятно. А вообще подобные смерти здесь случались?

Монтегю расхохотался.

– От укуса вампира? Да любая бабка вам сто примеров приведёт! Только в действительности, как вы догадываетесь, всё имело причиной пьянки и тому подобное...

– Да, – согласился Макфадден. – Но пил-то Хили с вами, Жерард.

Все трое рассмеялись.

– А вы умеете подловить собеседника, лейтенант.

Неожиданно с улицы послышался дикий, душераздирающий вой.

– Слышите? – спросил Монтегю. – Это баньши. У нас тут какой только дьявольщины не водится.

– Я бы сказал, это собака, – не согласился О’Райан-старший. – По-моему, сука.

Дервал был готов побиться об заклад, что выл один из телохранителей Монтегю. Выглянув в окно, он увидел два силуэта у машины, их лица освещали огоньки сигарет. Судя по всему, парням было весело.

– Кобель, стопроцентный кобель, – сообщил Монтегю. – Это я знаю наверняка. Вы меня извините?

Он встал, полицейские попрощались с ним, и вскоре Монтегю укатил.

Дервал продолжал слушать. Он обладал твёрдой, опирающейся на собственный, ещё скромный, и заимствованный из книг, куда более обширный, опыт, уверенностью насчёт предстоящего. Сейчас ему посчастливится услышать что-то по-настоящему важное.

– Отвратительный тип, – кисло сказал Макфадден. – Весь в рэкрете, как новогодняя ёлка – в игрушках. И он причастен к смерти Хили, я уверен.

– Да? – Недоумение отца показалось Дервалу наигранным.

– Конечно, Айдан. И не строй из себя идиота, по крайней мере, большего, чем положено сержанту. Хили находился у него дома до глубокой ночи, оба пили. Сам Монтегю признаёт, что не смог добиться от Хили того, на что рассчитывал. Выводы?

Дервал был вынужден согласиться со следователем. Хромой Монтегю казался подозреваемым номер один.

– Но как он его убил?

– Хе! Как – это вопрос! Если бы имелось заключение патологоанатома об убийстве, я был бы вынужден арестовать Монтегю. И он, кстати, тоже это знает, я заметил.

– Ну, он откровенно смеялся над нами, если ты об этом, Грег. Очень подозрительно! – Эти слова отца пробудили у Дервала симпатию к родителю. Сержант О’Райан ещё не относился к совсем пропадающим, продажным «гардам».

– Да! Так, будто он обладал уверенностью, что мы не смо-

жем ничего доказать. – Макфадден умолк на минуту. – А похожие смерти случались?

Отец ответил не сразу, и когда он заговорил, его голос не показался Дервалу слишком уверенным.

– Здесь полно людей, до сих пор верящих в старинные суеверия, Грег. Напившись, они чего только не плетут, – зло бросил О’Райан-старший. – Многие люди пропадали – некоторые из них бесследно. Сам знаешь, что тут творилось...

– *Похожие* смерти случались? – с нажимом спросил Макфадден.

Отец замаялся, Дервал чувствовал даже сквозь стену исходящую от него неуверенность, почти страх.

– Я слышал о чём-то подобном – ещё мальчишкой. Мать на ночь сказки рассказывала... И, говорят, такие случаи имели место – но очень давно, последний раз – при Проклятом Монтегю. При его предках – гораздо чаще, но что из них происходило взаправду, а что приукрасила молва, я судить не берусь.

Дервал задрожал. Он почему-то вспомнил о таинственном венгерском туристе, чьи глаза светятся в темноте.

– Ладно, делать нечего, – невесело пошутил Макфадден. – В графе «подозреваемый» запишу: «нечистая сила»...

Уолтер Мерфи, уроки у которого заканчивались в час пополудни, должен был ещё выполнить одно важное задание своего старшего товарища. Дервал потребовал от него – вот уж действительно странность! – посетить их скромную сельскую библиотеку и выяснить всё насчёт подозрительных смертей. Он мысленно представил себе разговор с библиотекарем: как будет стесняться и краснеть, излагая свою просьбу, как начнёт неловко переминаясь с ноги на ногу...

... И в этот момент он налетел на Кейт Харти. Кейт, стройная светловолосая девочка, годом его старше, была предметом вожделений многих мальчишек – и Уолтера тоже. Её голубые глаза, расположенные над очаровательными полями маленьких веснушек, золотистые волосы, спадающие на плечи, начинающая оформляться грудь и постепенно округляющиеся бёдра – всё это регулярно становилось предметом оживлённых пересудов в мужском туалете. От неожиданности, сколь приятной, столь и ошеломительной, Уолтер даже не знал, что сказать.

– Ой, как неудачно! – На милом личике Кейт проскользнула лёгкая тень недовольства. – Тебя ведь Уолтером зовут?

– Правда, – глупо улыбаясь, ответил он. При этом Уолтер никак не мог оторваться от двух упругих полушарий, скрытых плотным, цвета свежей весенней травы, свитером. Он

так бы и ткнулся в них носом ещё раз...

– Да-да, я Уолтер, – выдавил он. – А ты Кейт, верно?

– Кейт, – улыбнулась она в ответ, и на щёках появились изумительные ямочки.

В тот же миг всё волшебство мгновения исчезло. В бок Уолтеру будто врезался грузовик, отбросив мальчишку к противоположной стене коридора. Он с трудом восстановил равновесие и, яростно сжимая кулаки, осмотрелся в поисках обидчика. Им, оказался, конечно же, Манган. Неподдалёку маячила и квадратная, толстая фигура Кабана О’Нила: тот отвратительно улыбался во весь рот.

– Паршивый полицейский шпик! – Указательный палец Мангана угрожающе вытянулся в направлении Уолтера. – Лезешь повсюду, даже девушку мою начал прижимать!

Мерфи-младший растерялся; обвинения ему самому казались отчасти справедливыми. Кейт стояла молча, с неожиданным равнодушием глядя куда-то в сторону.

Манган тем временем продолжал полыхать гневом, словно в невидимую топку кто-то подбрасывал новые и новые порции угля.

– Я недавно узнал, что за последних полтора века население Земли выросло в шесть раз, а население Ирландии – уменьшилось в полтора! Вот из-за таких, как ты, Мерфи, отвратительных доносчиков, люди бегут с нашего острова!

Уолтер знал, что Манган не позволит себе слишком многого, ведь его отец – «гарда», да и разница в возрасте слиш-

ком велика – три класса, фактически, более двух лет. В таких случаях дирекция обычно не остаётся в стороне – если, конечно, жертва сама не стала виновником собственного несчастья.

Настал мучительный момент выбора. Уолтер посмотрел на Кейт, и мимолётного взгляда, брошенного ею из-под полуопущенных ресниц, оказалось достаточно, чтобы он принял решение. Роковое решение.

– Какие же всё-таки серьёзные знания появились в твоей пустой башке, Брендан! Ты что, готовишься возглавить Белфастскую бригаду¹³? Но ведь ты ублюдочный!

Сказав это, Уолтер искренне пожалел, что минутой ранее не откусил себе язык. Присутствующие словно окаменели. Подобного оскорбления в отношении Брендана никто и никогда себе не позволял, даже его одноклассники и более старшие ученики. Страх перед Хромым Монтегю был слишком силен.

Глядя, как у поражённого Мангана отвисает челюсть, Уолтер подумал, что оно, пожалуй, того стоило. Кейт, смертельно побледнев, стояла рядом как вкопанная, не в силах вымолвить и слова. И вновь один лишь её мимолётный, взволнованный взгляд, скорее угаданный, нежели увиденный, стал наградой за всё то, что ему ещё предстояло пережить.

Заметив, как руки Мангана складываются в тяжёлые кула-

¹³ Белфастская бригада – структурная единица PIRA.

чищи, Уолтер решил не дожидаться взбучки, а сам перешёл в атаку. Пригнувшись, он разбежался и, обхватив противника обеими руками, ударил плечом в бедро. Манган покачнулся, но устоял. Уолтер навалился всем своим весом, отчаянно пытаясь если не завалить оппонента, то хотя бы сковать его движения. От тяжелейшего удара локтём, обрушившегося на затылок, в глазах у него потемнело, а тело отказалось подчиняться. Уолтер рухнул на пол – и, попытавшись встать, почувствовал, что не может. Непослушные руки-ноги разъезжались в стороны, словно он стоял на ледовом катке.

В ушах застыла пронзительная, дребезжащая трель звонка – начинался очередной урок. Манган, на прощание бросив в Уолтера недобрый взгляд, поспешно удалился. Кейт также исчезла, будто испарилась.

Болезненно застонав, Уолтер принял сидячее положение. Мимо пробежал Пэт Мур, его одноклассник; объяснив в двух словах, чтобы о его вещах позаботились, Уолтер отправился к выходу.

Повод для того, чтобы улизнуть из школы, был и в самом деле благоприятный. Стараясь вести себя как можно более непринуждённо, словно он отлучается всего лишь на минутку, Уолтер вышел за дверь.

Дул пронизывающий, ледяной ветер. К сожалению, тёплая одежда осталась в классе, и Уолтеру оставалось только сожалеть о её отсутствии. Пережитое унижение и боязнь повторной встречи с Манганом принуждали его следовать вы-

бранной линии поведения. Раскатав воротник свитера так, чтобы он прикрывал нижнюю часть лица, мальчик направился туда, где виднелось небольшое, приземистое строение – библиотека. Уже через несколько шагов он почувствовал, как мозг его начинает превращаться в кусок смёрзшегося творога, и прибавил ходу, а потом побежал.

Сельский библиотекарь, старый Финбар О'Хара, встретил посетителя подозрительным взглядом. Это был дряхлеющий, давно перешагнувший порог шестидесятилетия мужчина: редкие седые волосы, аккуратно уложенные и разделённые пробором, прикрывали обширную лысину, а жёлтая, покрытая старческими пятнышками кожа, туго обтягивала выпирающий скелет. Толстые линзы очков в роговой оправе закрывали пол-лица, и Финбар словно выглядывал из аквариума – смышлёная, молчаливая рыбина, тайком поселившаяся в мире людей. Одежда его, такая же потёртая и заношенная, как и он сам, висела на согбенном теле, словно на вешалке: шерстяной, изъеденный молью жилет чёрного цвета поверх байковой рубашки и тёмно-коричневые, вытянутые на коленях брюки. Чёрные ботинки, мыски которых выглядывали из-под стола, давно вышли из моды, но, начищенные до блеска, вполне могли заменить зеркало.

– Что, мальчик, поругался с кем-то в школе? Или прогуливаешь контрольную по математике? – О'Хара прищурился, на губах его заиграла высокомерная усмешка. Видимо, библиотекарь чувствовал себя очень важным человеком, когда в таких – или подобных – обстоятельствах вдруг заполучал власть над посетителями.

– Да, мистер О'Хара, у меня проблемы кое с кем. – Уолтер

решил не отрицать очевидное. – Впрочем, я всё равно собирался к вам; мне даже понадобится ваша помощь в поиске...

– Моя помощь? – Рот библиотекаря раскрылся, подобно клюву птеродактиля, показались немногочисленные дожившие до одного с ним возраста зубы. – А кто сказал, что я позволю тебе здесь оставаться?

Такой ответ на мгновение обескуражил Уолтера, но что-то указывало ему: на самом деле старик рад посетителю. Едва ли он выставит ребёнка на улицу. Уолтер так и сказал, решив разыграть беспроигрышную карту.

– Вы же не хотите, чтобы я слонялся, где попало, мёрз – и всё такое?

– Что? – взревел О’Хара. – Ты мне угрожать будешь? Да я тебя за ухо сейчас к директору отведу!..

Библиотекарь даже привстал, явно готовясь выполнить свою угрозу. Уолтер отступил на шаг.

– Пожалуйста, мистер О’Хара! – взмолился он. – У Жерарда Монтегю могут возникнуть крупные неприятности?

Он попал в точку. Старик осел обратно на стул, беззвучно шевеля губами, в лице его не было ни кровинки. Уолтер, довольный тем, что его маленькая хитрость удалась, победно улыбнулся. В конце концов, он не слишком-то и солгал: если бы О’Хара сообщил директору, вина Брендана Мангана, несомненно, всплыла бы.

– Мне нужно будет завести абонемент для тебя, вернее, для кого-то из твоих родителей, – ответил, наконец, библио-

текарь. – Просто так мы книг не выдаём.

– Как знаете, мистер О’Хара. Можно и так, хотя я всего лишь почитать хочу, прямо здесь.

Но старик уже принял решение и установил для себя черту, отступить за которую не собирался.

– Ты ведь сын Мерфи, этого «гарды»? – Уолтер кивнул. – Хорошо, оформлю всё сам... Можешь тут пока посмотреть журналы, я заполню формуляр.

– Мне нужны газеты, мистер О’Хара. Старые газеты с историями; мистические убийства, необъяснимые события – всякое такое.

– Удивительно. – Старческие глаза сфокусировались на Уолтере. – Не далее как вчера ко мне приходил этот венгр, Негъеши – и просил о том же.

Уолтер ощутил, как у него чешутся руки – верный признак того, что он близок к разгадке. Сверхъестественные способности венгра, наверняка, позволили ему найти правильный ответ. Остаётся лишь повторить его путь – это как списать у отличника.

– Не может быть, мистер О’Хара! – Уолтер напустил на себя пренебрежительный вид. – И что же он читал?

Библиотекарь благодушно улыбнулся – видимо, он видел мальчишку насквозь.

– Да всё подряд – и «Даблин Гэзет», и «Айриш Эйфегьюл», и «Айриш Индепендент»¹⁴. У меня тут фотокопии

¹⁴ «The Dublin Gazette» – официальная правительственная газета в 1705 – 1922

чуть не за двести лет имеются.

Лицо Уолтера, должно быть, разочарованно вытянулось, когда он, вслед за жестом О'Хары, посмотрел на небольшой проектор.

– Но я не хотел бы, чтобы ты тут что-нибудь испортил, мальчик. – Голос библиотекаря неожиданно потеплел. – Пожалуй, лучше всего будет, если я тебе скажу, что именно заинтересовало этого сумасшедшего венгра.

Уолтер просиял.

– Это было бы неплохо, мистер О'Хара. Вы даже не знаете, насколько это важно для меня.

Морщинистая голова библиотекаря кивнула. Уолтер, искренне боявшийся, что при этом сломается порядком износившаяся шея или свалятся на пол очки, даже удивился, когда всё обошлось.

– Знаю, парень. Ну, да ладно, об этом потом. Вот микрофильм, который Негъеши смотрел последним – и он очень обрадовался, когда что-то там обнаружил.

Библиотекарь вставил бобину с плёнкой в проектор и, на строго приказав не делать некоторых вещей, удалился.

Уолтер приблизил своё лицо к объективу; подшивка «Айриш Индепендент» за 1967 год содержала упоминание об одном исключительно странном событии, случившемся, как указывалось, в «небольшом селении в графстве Монахан».

гг., с 1922 г. её сменила в этой роли “Iris Oifigiúil”. “Irish Independent” – наиболее популярная ирландская ежедневная газета-таблоид.

Ричард Коллинз, местный фермер, был обнаружен мёртвым; тело его более напоминало выжатый досуха лимон. Очевидцы утверждали, что никогда не видели ничего подобного. Поговаривали о некоей связи этой смерти с неестественного вида голубым туманом, наблюдавшимся накануне. *«Среди местных жителей существует поверье, будто такой туман неизменно предшествует чьей-либо смерти; увидеть его считается исключительной дурной приметой. Явление это, вероятнее всего, связано с местными торфяниками, дающими своеобразные испарения, и игрой света и тени, возможно, под воздействием атмосферного электричества»*. Несмотря на то, что редакция обещала сообщать о ходе следствия, новых публикаций на эту тему Уолтер, как ни старался, так и не обнаружил.

– Расследование зашло в тупик – это я хорошо помню, – послышался вдруг голос Финбара О’Хары. Это было так неожиданно, что Уолтер буквально подскочил на стуле, смертельно перепуганный. Всецело поглощённый чтением, он и не заметил, как старик приблизился.

– Я знал Дика Коллинза достаточно хорошо, ведь мы были с ним приятелями, – неожиданно разоткровенничался старикан. – Выпивали порой после работы... В тот вечер мы расстались у Низинной развилки, может, ты знаешь, где это. Словом, нам предстояло идти, каждому к своему дому, в разные стороны, вдоль края торфяника. Тогда-то я и увидел голубой туман: искрящийся, словно состоящий из сапфирной

крошки, он кружил и сползал в тот овражек, которым любил хаживать бедолага Дик. Я был там и слышал его вопли – жуткие, принудившие волосы встать дыбом, – но мне хватило ума не идти в ту сторону. Старине Дику я бы уже ничем не помог, это уж наверняка...

Старик посмотрел на Уолтера своими слезящимися глазами.

– Атмосферное электричество, ха! – Библиотекарю, похоже, стало смешно. – Я видел, куда именно убрался туман после того, как в овражке всё затихло. В Тэхмор-менор, особняк Монтегю, чтоб они сторели в аду!

– Но «гарда»... – заикнулся было Уолтер.

– Что «гарда»?! Да меня бы на смех подняли, если бы я проболтался, – или того хуже!

Дверь в библиотеку неожиданно распахнулась, и мальчик сразу же понял, что спасён. На пороге стоял Дервал; в руках у него был рюкзак и одежда Уолтера.

Новости, услышанные от Уолтера, привели Дервала в удивившего его самого состояние крайней задумчивости. С минуту он размышлял молча. Манган совершенно обнаглел и попросту преследует сына «гарды»! Мерфи-младший за несколько дней уже второй раз нахватался тумачков – и, видимо, всё из-за их «расследования». Наверняка, кто-то видел их на земле Монтегю, а может, «временные», пытаюсь восстановить организацию, просто пробуют свои силы. Начали, как всегда, с маленьких детей.

– И Кейт Харти стояла рядом? – Дервал и сам был к ней неравнодушен, но сейчас, похоже, его давние подозрения ожили, благо повод оказался более чем подходящим. – Манган давно за ней приударяет, думаю, они уже спелись и начали тебя раскручивать.

Возможно, ему не стоило этого говорить. Уолтер чуть не расплакался от осознания, что предмет его обожания может быть замешанным в чём-то непристойном.

– Нет. – Слово это, сказанное неожиданно твёрдым тоном, поразило Дервала. – Она не с Манганом; я бы сказал, что Кейт колеблется.

Дервал расхохотался – Уолтер оказался таким же лопухом, как и все влюблённые.

– Все, кого «временные» заслали в Белфаст, все, кто по-

гиб там – все они рассуждали точно так же. – Он услышал эти слова от отца и сейчас просто повторял их. – А их «богини» сплошь и рядом оказались ведьмами и проститутками, жадными до денег и благоволения командования.

Уолтер мрачно сдвинул брови и надулся; казалось, ещё мгновение – и он бросится на приятеля с кулаками.

– Да брось ты, дружище. – Уолтер разошёлся в как можно более приятной улыбке. – Не в этом дело, конечно – с Кейт всё прояснится в своё время. А что там говорил Развалина О’Хара? Смертям обычно предшествует какой-то туман – судя по всему, сверхъестественного происхождения?

Похоже, тему удалось вовремя сменить. Уолтер кивнул; всё ещё сердитый, он потратил мгновение на то, чтобы восстановить самообладание.

– Так погиб его приятель Коллинз в 1967-м – и О’Хара сам видел туман, скользивший обратно в имение Монтегю!

Дервал кивнул.

– Отец рассказал мне кое-что о Развалине и о его покойном приятеле Коллинзе. Знаешь, все ребята обнимаются с пивною кружкой – но некоторые и друг с дружкой. Так вот, это о них.

Уолтер снова вскипел, впрочем, на сей раз его негодование казалось несколько наигранным.

– И ты послал меня к нему, к этому...

Дервал захихикал:

– Я сам хожу туда каждую неделю, а когда и чаще. К тому

же надо было проверить тебя – не из *таких* ли ты.

Мерфи-младший, всё ещё хмурясь, закивал. Казалось, весь его вид говорил: «Ну, ладно-ладно, погоди у меня!.. Настанет время – и ты пройдёшь “проверку”».

– А, впрочем, так ли это важно? – вдруг спросил Дервал, обращаясь, скорее, к самому себе. – Коллинз погиб – вероятнее, был убит – в результате воздействия тумана, исходившего из поместья Монтегю. И теперь – снова похожая смерть. Но кто тогда убийца? Ведь Хромой тогда ещё в пелёнках лежал?

– Ну, Проклятый Монтегю, – неуверенно ответил Уолтер. Дервал посмотрел на него так, будто только что заметил.

– Может быть, Уолтер, очень даже может быть. Только вот как он сейчас осуществляет свои злокозненные замыслы, если его давным-давно нет на этом свете?..

Вопрос был и в самом деле сложный. У Дервала уже имелась по данному поводу интересная версия, однако он хотел, чтобы и Уолтер до неё додумался. Такие вещи развивают в людях инициативность – важнейшее для сыщика качество.

Мерфи-младший отчаянно нахмурил лоб, размышляя, и даже почесал макушку.

– Это как-то связано с домом? – Блистательная – и единственно верная – догадка родилась всё же нескоро: по прикидкам Дервала, у его друга на всё про всё ушло более минуты времени.

– Совершенно верно, приятель! Причиной необъяснимых

смертей, несомненно, является нечто, тщательно скрытое от посторонних глаз в самом Тэхмор-менор. Секрет этот, тайное фамильное оружие, если хочешь, бережно хранится и передаётся из поколения в поколения от отца к сыну.

Глаза Уолтера расширились – в равной мере от страха и от восхищения.

– По-твоему, мы ничего не преувеличиваем и не выдумываем? А если всё правда – нам дадут медали?

Дервал отрицательно покачал головой.

– Нет, медалей нам не дадут. Даже не уверен, не перепадёт ли нам на орехи, если кто-нибудь проведает... Живо в сторону! На обочину!

Он силой увлёк Уолтера в придорожные кусты – слишком дороги были те немногие, имевшиеся в их распоряжении, секунды.

– Что?.. В чём дело... – Дервал заткнул другу рот ладонью и повернул его голову в направлении, где виднелась одинокая фигура. Человек – если только он относился к роду человеческому – появился из-за угла и молча прошествовал мимо них. Это был Негъеши!

Словно замороженные, они наблюдали за венгром, которого словно бы окружал ореол неясной угрозы. Наконец, он исчез за поворотом, и мальчишки, не сговариваясь, одновременно заговорили, то и дело перебивая друг друга.

– Он идёт к старой усадьбе, к заброшенному дому!

– Уже не заброшенному, Уолтер – или у тебя всё вылетело

из головы?

Уолтер смутился на мгновение, но, вспомнив что-то, тут же расхохотался.

– А вот и нет, Дервал! Сейчас, в это мгновение, там никого нет – ремонт уже завершён, а Монтегю уехал в соседнее графство, будет не раньше, чем завтра.

Дервал, тоже слыхавший нечто подобное от родителя, согласно кивнул.

– Как всё удачно складывается: Монтегю уехал и оповестил обо всём полицию. Здесь остаётся этот Негьеши – кто он? откуда? не пособник ли «временных», выдающий себя за иностранца? – который может завтра бесследно исчезнуть. Вдруг фамилия вымышленная – что, если этот парень из Армы или Антрима¹⁵ подъехал? Там его, вероятно, тоже разыскивают...

– Что ты предлагаешь? – возбуждённо прошептал Уолтер.

– Проследим за ним! – Страх, вызванный предыдущим «оперативным мероприятием», ещё не прошёл, но Дервал находил это даже интригующим. Опасность, от которой мурашки бегали по коже, неизменно привлекала его. – Наверняка, оно стоит любого риска, даже смертельного!

Уолтер, несмотря на некоторые сомнения, всё же поддался на уговоры, и двое мальчишек, то и дело пригибаясь и прячась, проследовали за Негьеши. Как и следовало ожидать, тот двигался по направлению к серой, украшенной по

¹⁵ Арма, Антрим – графства Северной Ирландии.

углам башенками с остроконечными шпилями, громадине
Тэхмор-менор.

– Ты уверен, что нам следует пересекать границу? – Вопрос этот, изречённый самым серьёзным тоном, вполне мог принадлежать и матёрому боевику «временных». Сейчас он, однако, исходил из уст двенадцатилетнего мальчишки, Уолтера Мерфи. Засунув руки в карманы, он остановился, словно не решаясь перейти на ту сторону.

Дервал возмущённо фыркнул – действия Уолтера являлись чистым позёрством, так как граница никоим образом не охранялась и не была даже отмечена шлагбаумом. Единственным свидетельством того, что здесь уже начинаются земли Соединённого Королевства, выступал предупредительный дорожный знак. Возвышаясь над окружающей местностью, подобно гигантскому металлическому цветку, он лаконично утверждал: далее ограничения скорости указаны в милях, а не в километрах в час.

– Большой Брат и САС наблюдают за тобой, – замогильным голосом промолвил Дервал. – Но ты будь достоин славы и чести Джеймса Конноли¹⁶ – не бойся ходить по родной земле.

Последние слова сказаны были как можно более напы-

¹⁶ Джеймс Конноли – один из лидеров Пасхального восстания 1916 г. Расстрелян британскими властями.

ценно, в духе ораторов Шинн Фейн¹⁷. Тихонько хихикая, они перешли на британскую территорию и продолжили свой путь. Негъеши, от которого они заметно отстали, теперь превратился в едва различимую точку. Судя по уверенной, пружинистой походке, он знал, куда идёт, если только речь не шла об обычной прогулке. Но что-то подсказывало Дервалу: у этого молодого человека есть совершенно определённая цель, и она каким-то непостижимым образом связана со смертями Хили и Коллинза – и кто знает, со сколькими ещё? Путь его явно лежал к усадьбе Монтегю, причём, судя по всему, с северной, британской стороны, где расстояние между домом и забором исчислялось не более чем двумя десятками метров.

– Стой! – Уолтер дёрнул его за рукав, и Дервал замер. – В чём дело?

– Смотри туда, вверх по склону! – Дервал проследил за жестом Уолтера. Дрожащий палец указывал на едва заметную бледную дымку, скользившую вдоль поверхности земли. Несмотря на то, что солнце ещё не село, в сумерках было заметно, как туман отливает голубизной. Тончайшая лазурито-

¹⁷ Шинн Фейн (Sinn Féin – ирл. «Мы сами»), националистическая политическая партия левого толка, созданная в 1905 г. Сыграла значительную роль в борьбе за независимость Ирландии. В настоящее время как «Временная Шинн Фейн» представлена в парламенте Ирландии, Великобритании и Северной Ирландии. В Северной Ирландии позиции «Временной Шинн Фейн» особенно сильны, в Исполнительный комитет (орган самоуправления, фактически, правительство) входят министры из её числа.

вая плёнка, растянувшаяся необычайным покрывалом, была будто соткана руками эльфов, по слухам, обитающих в холмах. Зрелище это, несмотря на вызванное им смутное беспокойство, почти страх, завораживало. Дервал в то же время находил его очаровательным – особенно потому, что туман этот, несомненно, угрожал их жизни.

Уолтер, судя по всему, готов был броситься наутёк, но Дервал почему-то сохранял уверенность, что им ничто не угрожает. Он отчётливо видел, как клочья этого потустороннего тумана тянутся в совершенно другую сторону. Словно подгоняемые некоей злой волей, они стремились на юг, в том направлении, откуда они только что пришли. Дервал прикинул, что, стоит движению дымчатой пелены ускориться, и она как раз накроет их, даже если они побегут изо всех сил.

– Нет, не успеем. Нам придётся подождать здесь.

Слова эти, сказанные непререкаемым, стальным тоном, принудили Уолтера повиноваться. Однако они же вызвали в нём чувство, близкое к панике.

– Они отрезали нас от дома. Проклятье! – Взрослое ругательство, даже сказанное с искренним чувством, всё же не сделало Уолтера взрослее. Он всё так же боялся, хотя и смог таким образом подбодрить себя.

– Пойдём в дом! – неожиданно заявил Дервал. – Смотри, там есть вход!

И правда, в зелёном, с бурыми пятнами голой земли, склоне, виднелось ещё одно отверстие. Чёрное, зияющее, слов-

но разверстый зев пасти неведомого хищника, оно сразу же привлекло внимание Дервала. Именно в нём несколькими мгновениями ранее исчез Негъеши.

– Идти туда? – Уолтер испуганно выпучил глаза. – Да ты с ума сошёл!

Дервал рассмеялся.

– Пусть так. Но я пойду туда, а когда вернусь, приглашу Кейт на свидание и расскажу, каким ты оказался трусом.

Похоже, он нашёл нужные слова. Уолтер по-петушиному выпятил грудь, глаза его воинственно блеснули.

– Хорошо. Пойдём и сразимся с нечистью, что там обитает.

Сказав так, Уолтер широко зашагал по направлению к двери в подземелье – а это была она, в чём подростки немедленно убедились, – и Дервалу стоило большого труда уговорить друга проявить благоразумие и действовать с большей осторожностью.

– Если он нас услышит, всё пропало! Негъеши – или то, что там обитает – схватит нас, и никто даже не узнает, что мы сюда наведывались! Да погоди ты, Уолтер!

Всё без толку. Подобно всемирно известному уроженцу Ламанчи, Уолтер готов был сразиться хоть со всем воинством ада, лишь бы заслужить благосклонность своей возлюбленной. Его воинственный пыл слегка поостыл только когда они приблизились к распахнутой настежь двери подземного хода. Умело замаскированную, снаружи её прикры-

вал дёрн с густо проросшей травой, и внешне она ничем не отличалась от любого другого участка склона.

Подчиняясь предохраняющему их от жуткой опасности инстинкту, подростки замерли. Изнутри им в ноздри ударил запах тлена, столь мощный, словно там, во мраке, долгие столетия гнило, вызревая, нечто, чуждое всему человеческому. Зловеще закрипел, под порывом ветра, ржавый флюгер на верхушке Тэхмор-менор, и Дервал, взглянув вверх, с испугом заметил, что тот изображает рогатого демона с копьём. Острие его, казалось, целилось ему прямо в глаз. Уолтер, также посмотрев в том направлении, испуганно отшатнулся.

– Кейт Харти... – снова нажал на безотказный рычаг Дервал, и его несчастный друг, повинувшись приступу страсти, вновь исполнился мужества. Чувствуя лёгкие угрызения совести, Дервал пошёл первым. Где-то там, вдали, в сыром, зловонном полумраке, как ему показалось, горел свет.

Подземный ход, рассчитанный на то, чтобы по нему свободно мог пройти мужчина среднего роста, уходил, извиваясь, под холм – в том направлении, где зловеще возвышался Тэхмор-менор. Стараясь красться как можно тише, мальчишки продвигались вперёд маленькими шажками. Так, ступая в темноте по невидимому, но очевидно неровному каменному полу, они медленно приближались к своей цели. По мере того, как свет становился ярче, страх всё более овладевал Дервалом. Что будет, если Негъеши их заметит? Лишь любопытство да непонятное ему самому упрямство гнали

его вперёд.

Наконец, когда силуэт венгра, сидевшего за письменным столом – по счастью, спиной к двум юным сыщикам, – стал хорошо различим, Дервал остановился. Затаив дыхание, он напряжённо вслушивался в бормотание Негъеши.

Свет исходил от небольшого свечного огарка; неверные отсветы его выхватывали из мрака стены помещения, некогда являвшегося, судя по всему, кабинетом. Лежавшая повсюду пыль и затхлая, отдающая сыростью, вонь, свидетельствовали, однако, о том, что кабинетом этим давно не пользовались. Негъеши, как ни странно, находил весьма увлекательным пребывание в столь запущенном месте: то и дело издавая поражённые возгласы, он с воодушевлением шарил в столе и на длинных, широких стеллажах, тянущихся вдоль стен. С нескрываемым восхищением, отнимавшим всё его внимание, он исследовал обнаруженные находки, при виде которых у нормального человека кровь застыла бы в жилах.

Среди диковинок, которые предстали изумлённому взору Дервала, оказались странные орудия и инструменты, предназначенные для убийства или пыток, а также для действий, суть которых, тёмная и загадочная, всё же представлялась более чем отвратительной. Многочисленные банки и склянки старомодного вида, заполненные порошками или жидкостями, нередко – с законсервированными внутри мерзкими созданиями, вызвали живой интерес венгра. Надписи, прочитанные вслух то ли на венгерском, то ли на латыни, то ли

ещё на каком-то, давно забытом, языке, впрочем, ничего не говорили Дервалу. Лишь однажды слух его уловил привычные слова и звуки – это случилось, когда в руки Негъеши попала колода карт, которую он брезгливо сунул в карман, сказав что-то, что заканчивалось названием американского города: «...Атлантик-сити».

Судя по всему, многое из обнаруженного здесь, пришлось не по душе венгру – он то и дело потрясённо ругался, хотя и не скрывал зловещего удовлетворения, вероятно, оттого, что ему удалось расстроить чьи-то планы. Такое же, злобно-насмешливое, чувство вызвал у него и собачий или, вероятнее, волчий череп, который Негъеши окрестил единственным необычным словом: «Вырколак»¹⁸.

Наконец, стало заметно, что незваный гость семейства Монтегю собирается вот-вот покинуть подземелье. Дервал, всячески пытаясь избежать любого ненужного шума, потянул за собой едва осознающего, что вокруг происходит, Уолтера к выходу. Вскоре они оказались снаружи и с облегчением вдохнули свежий, отдающий морозцем, воздух. Было темно – хоть глаз выколи. Тут же послышались торопливые шаги Негъеши; на ходу он весело мурлыкал какую-то мелодию.

Бросившись наземь, они затихли. Дервал в течение нескольких, отчаянно долгих мгновений, слушал незнакомую венгерскую песенку; время это показалось ему пыт-

¹⁸ Вырколак (рум. *vîrcolak*) – волк-оборотень, вампир.

кой. Вскоре звуки, однако, стали тише – Негъеши удалялся. Радостный стон вырвался из груди двух отважных друзей. Опасность миновала!

Сами не помня себя от радости, они быстро покинули землю Монтегю и тем же путём возвратились к шоссе. Его почти невидимая и вместе с тем твёрдая и надёжная, покрытая инеем поверхность вскоре привела мальчиков обратно в Ирландию.

Дервал испытывал законную гордость – им удалось провести успешную «спецоперацию», ещё на один шаг приблизившую расследование к разгадке. Не всё, однако, обстояло так радужно. Когда им настало время расставаться, Уолтер вдруг в самое сердце поразил его неожиданным вопросом:

– Этот проклятый туман – как ты думаешь, кого он убил?

Предчувствие чего-то трагического, неотвратимого, весь следующий день словно висело над Дервалом, подобно чёрной туче. Отец накануне по неизвестным причинам задержался на работе; вернувшись, он вёл себя холодно и зло и пил перед сном. В школе он замечал, как одноклассники время от времени утайкой подглядывают за ним и что-то шёпотом обсуждают. Дервалу было всё равно: у него и так было полно хлопот с невыполненными домашними заданиями и с мыслями о зловещем предположении, сделанном Уолтером.

Многое прояснилось уже вечером, когда пришёл отец. Дервал как раз сидел за уроками и ломал голову над неподатливой математической задачей, когда послышались звуки открываемой входной двери и тяжёлые, словно несущие угрозу, шаги. Отец, не разуваясь, прошёл в гостиную – и это можно было с уверенностью считать дурным признаком. Обычно так случалось, когда он был навеселе.

– Дервал, иди сюда! – Отчётливо различив в голосе отца пьяные нотки, Дервал почувствовал, как внутри у него всё сжалось в комок. Предчувствия его не обманули.

Войдя в гостиную, он застал отца в кресле: расстегнув форменный китель, тот сидел, развалившись, в кресле и це-дил виски.

– Я уволился из «гарды», Дервал, – сказал он сразу, без

какой-либо преамбулы. – Собственноручно написал заявление.

Рой вопросов беспокойно завертелся в голове Дервала при этих словах, но он отлично знал, что в таких случаях благоразумнее молчать. Он просто молча кивнул, придав лицу смиренное и чуть горестное выражение.

– Может, тебе лучше будет ненадолго переехать к тётке Мардж или даже попробовать отыскать мамашу, если это, конечно, лучший выход. – Отец скривился, опорожнив рюмку, и налил себе ещё. – Меня ожидают не лучшие дни, возможно, я даже попаду под следствие.

– Но почему, папа? – вырвалось у Дервала. Всё казалось слишком неожиданным, неправдоподобным. Голову ему будто сдавил железный обруч – окружающий мир вдруг стал несправедливым и ужасающе холодным.

– Вчера был синий туман – не знаю, говорит ли это тебе хоть что-нибудь. – Отец горько рассмеялся и отхлебнул виски. – Умер лейтенант Макфадден – его ты точно знал, – и умер жестокой смертью. Конечно, начальство знает, что я невиновен, но покойник, видимо, успел донести перед смертью, что я знаюсь с Хромым Монтегю. Этого оказалось достаточно: меня попросили не дожидаться служебного расследования, а уволиться самому.

Дервал поджал губы; презрение к отцу и его слабостям боролось в нём с желанием расплакаться. Ещё раз кивнув, он выскочил из гостиной, надеясь, что отец не заметил, как

на глаза ему навернулись слёзы.

Мгновенно одевшись, он выскочил на улицу. Что-то душило его, в горле точно застрял ком. На мгновение он остановился у почтового ящика, из которого торчал незамеченный ранее уголок конверта, и проверил его. Письмо, как ни странно, оказалось адресованным ему. Дервал на мгновение заподозрил, что оно от матери, однако отсутствие марки и почтового штемпеля свидетельствовало об обратном. Наверняка, кто-то из соседей вкинул его, может, даже Манган, решивший позабавиться; сейчас его это интересовало меньше всего. Сунув письмо в карман, он пошёл по улице, сам не зная, куда.

Не по-осеннему холодный воздух неприятно почёсывал шею, угрожая простудой. Дервал, нахмурившись, подтянул шарф, чтобы защититься от предательского ветерка. Нужно же было такому случиться как раз за день до его дня рождения! Наверняка, письмо – обычный для такого неординарного дня розыгрыш. Дервал родился тринадцать лет назад, 31 октября, как раз на самый Хэллоуин, и неоднократно становился объектом самых разнообразных шуток.

Он резко остановился и достал конверт; поколебавшись секунду, разорвал плотную, жёлтую бумагу. Содержание, однако, не имело ничего общего с тем, что Дервал ожидал увидеть. Во-первых, авторство – письмо написал человек, с которым он, несмотря на некоторого рода знакомство, никогда не разговаривал. Во-вторых, содержание, принуждавшее

усомниться: в здоровом ли уме тот, кто вывел эти каллиграфические строки?

Волосы зашевелились на голове Дервала, когда он, стоя посреди улицы, читал письмо. После двух абзацев он был уже не уверен в собственном рассудке; промчавшаяся неожиданно машина, к счастью, предупредила его убийственным рёвом клаксона. Мгновенно отреагировав, Дервал отскочил в сторону. Водитель, чьё искажённое от гнева лицо промелькнуло рядом, потрясал, угрожая, кулаком.

Дервал вернулся к чтению. Процесс этот настолько увлёк его, что он, несмотря на сгущающиеся сумерки, читал и перечитывал каждое предложение, стараясь как можно лучше ухватить их суть. Содержание письма и впрямь способно было шокировать кого угодно: *«Здравствуй, Дервал! Поздравляю тебя – к сожалению, с некоторым опережением – с днём рождения. Обстоятельства, не подвластные моей воле, принуждают меня покинуть ваше селение и уютный, гостеприимный дом вдовы Маккарти. Мы с тобой, конечно, не представлены, но интерес к моей персоне, выказанный тобой в последние дни, позволяет мне предполагать, что за ним кроется нечто большее, чем просто праздное любопытство. В любом случае, я утолю его, если, конечно, тебя обрадуют ответы подобного рода.*

Начну с самого главного: я не убивал Хили и лейтенанта Макфаддена. Это сделал, как ты, вероятно, и предполагал, Монтегю. Однако должен сразу оговориться: речь идёт не

о Хроме Монтегю.

Ты, вероятно, не поверишь, но преступления эти, да и множество других ужасающих деяний, совершены предком Жерарда, Рори Монтегю по прозвищу «Счастливый». Тот, как и многие другие «дикие гуси»¹⁹, служил французской короне, предпочитая лилии вереску²⁰. Во время Семилетней войны²¹ он, пребывая под началом ирландского военного вождя Лалли²², оставил о себе недобрую память в Индии, в Пондичерри. Там он стяжал, более мародёрством, нежели

¹⁹ «Дикие гуси» – название ирландцев, нанимавшихся в иностранные армии.

²⁰ Здесь: вереск – символ сопротивления британскому владычеству, предстаёт таким в поэме шотландца Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд»; лилия – символ династий Капетингов и Бурбонов, изображалась на флаге Франции в период их правления.

²¹ Семилетняя война (1756 – 1863 гг.) – глобальный конфликт, главной целью которого являлся передел заморских колоний. Франция, выступавшая в коалиции с Австрией (и Священной Римской империей германской нации, возглавляемой австрийским монархом), Саксонией, Россией и Швецией, противостояла прусско-британскому альянсу. Несмотря на то, что наиболее кровопролитные сражения произошли на территории Европы, где в конечном итоге заключён был мир, максимально близкий к статус-кво (при этом Пруссия укрепила за собой Силезию, а распад польско-саксонского государства и Священной Римской империи стал неминуемым), наибольшие территориальные приобретения были осуществлены Великобританией – она отторгла у Франции, среди прочего, Канаду и владения в Индии.

²² Имеется в виду граф Т. А. де Лалли, французский генерал, сын ирландских эмигрантов. В ходе Семилетней войны командовал войсками в Индии. После первоначальных успехов его начали преследовать поражения, в конце концов, с немногочисленными остатками войска он сдался в плен англичанам. По возвращении во Францию арестован, осуждён и казнён.

доблестью и заслугами, несметные богатства, с частью которых, удивительным образом сохранённых в плену, и вернулся на родину. Здесь, приобретя кусок земли и фальшивое свидетельство о благородном происхождении, он построил поместье Тэхмор, впоследствии – Тэхмор-менор. В обширном подвале его, постепенно расширявшемся и дополнявшемся подземными ходами, Рори предавался колдовству и чёрной магии. Искусства эти, ещё во время пребывания в Индии привлекавшие самый живой и неподдельный его интерес, позволили Монтегию приумножить своё состояние. Одновременно, как и в Индии, он снискал печальную славу среди местных жителей, к которым относился так же жестоко, как к туземцам – в колониях. Слухи о его зверствах распространились далеко за пределами Монахана.

Рори Монтегию угрожал суд, но он ловко извернулся, найдя партию из обедневшей, но родовитой семьи, и, обвенчавшись по англиканскому обряду, избежал неприятностей. Дети его, однако, росли католиками – впрочем, применяющийся обычно в такой связи эпитет «добрые» в данном случае едва ли будет уместным.

Женившись, Монтегию словно преобразился: давал пышные званые обеды, вёл себя исключительно любезно и с самыми бедными из крестьян – и вскоре за ним закрепилось его, известное всем, прозвище. Однако дурная репутация преследовала самого Рори, как и его потомков, подобно тени. Большую роль в этом сыграли, конечно, загадочные смер-

ти, первая из которых произошла ещё при его жизни, вскоре после преждевременной кончины супруги, неудачно разрешившейся беременем. Бедняжка Мэри, вероятно, так и не узнала, чем именно занимался её муж, когда запирался в подвале. О, то была отнюдь не безобидная алхимия, популярная в те годы! Нет, Рори настойчиво искал способ увеличить своё могущество! Более того, он желал обрести – я уверен в этом – бессмертие, вечную жизнь.

Основания рассчитывать на успех у него имелись, так как из Индии он привёз с собой необычный, дивной красоты драгоценный камень. Внешне более всего похожий на сапфир, он, однако, таковым не является. Согласно легенде, это слеза Вишну Всеобъемлющего, обронённая им в момент, когда он, отвлёкшись от медитации, узрел все грехи мира.

Другая, более древняя, версия, пришедшая в Индию с Запада, утверждает, что речь идёт о порождении ума божественного Митры. Камень якобы был создан им как ловушка для могущественнейшего из джиннов. Алчность являлась уязвимым местом злого духа – и, ухватив сапфир, он оказался его пленником.

Как бы то ни было, камень этот способен оставить душу умершего в нашем, земном мире. Это обманчивая видимость бессмертия – и вызывающая лишь отвращение подделка под истинное могущество. Так или иначе, но демон, поселившийся в камне, существует и по сей день, и зовут его Рори Монтегю. Он нуждается в постоянной пище, которую

дают ему живые люди – их страсти, мечтания и надежды заменяют бездушному дьяволу собственные. Своему покровителю, имя которого я избегаю называть, дабы не вызвать его любопытства – а он слышит и видит слишком многое, – джинн отдаёт кровь несчастных жертв.

Сейчас я перехожу к самому главному. Тот, кто при жизни именовался Рори Монтегю, пробудился от долгого сна и сейчас жадно, словно восполняя упущенное, утоляет свой гнусный аппетит. Его потомок и наследник, Жерард Монтегю, некогда бежавший из фамильного гнезда от пившего из него жизненные соки джинна, сейчас выступает главным прислужником этого зла. Он оказывает помощь в подготовке кровавого таинства, незаметно осуществляя с жертвой предварительный ритуал, как то произошло в случаях с Хили и Макфадденом.

Ты, Дервал О'Райан, долго следил за мной. Я знаю об этом, так как неоднократно замечал и тебя, и твоего приятеля, Уолтера. Моё пребывание здесь окончилось, я не нашёл того, что искал, и разочарование, постигшее меня – двойное, так как сам я не могу обуздать дьявола. Не имею права. Так случилось, что повелитель джинна, носящий известное тебе из Библии имя, имеет надо мной некоторую власть. Поэтому, не имея возможности бросить вызов Злу самостоятельно, я оставляю такую возможность тебе.

Ты обладаешь большой силой, Дервал, – она сокрыта в тебе, так как ты родился на Хэллоуин. В завтрашнюю

ночь, когда откроются двери миров, и духи обретут силу, они станут и более уязвимы. Если пожелаешь, ты сможешь бросить вызов демону – и, быть может, победишь. Если передумаешь – спасёшь свою жизнь. Однако кто-то из тех, кого ты любишь, непременно умрёт. Жизнь твоя пойдёт по нисходящей, и ты будешь всё более зависеть от демона, перед которым дрогнул. Так случается всегда. В конечном итоге, совершенно безвольный и опустившийся, ты станешь рабом семейства Монтегю; сегодня твой отец уже сделал очередной шаг, ведущий вас в этом направлении.

Выбор остаётся за тобой, Дервал. Если ты желаешь сразиться с Тьмой, тебе необходимо будет...».

Дервал жадно вчитывался в строки, содержащие подробные, явно бредовые инструкции. Причём ему пришлось это делать как можно быстрее, поскольку бумага, на которой они были написаны, неожиданно стала распадаться. Осыпаясь хлопьями пепла, словно его пожирал невидимый огонь, письмо исчезло прямо в руках у потрясённого Дервала.

Приготовления к вечеру Хэллоуина для школьников начались ещё во время уроков: по коридорам слонялись дети и подростки в сказочных костюмах. Клоны Франкенштейна, Бугимена и Плетёного человека по численности уступали только графу Дракуле. Тот, как обычно, оставался подлинным королём вечеринки. Впрочем, чёрные плащи с алой подкладкой, вставные клыки и мертвенно-бледные маски на сей раз вызывали подлинный, а не картинный ужас.

Дервалу было всё равно; всеобщее веселье его совершенно не интересовало. Уныние, тоска и неприятный, гложащий ежеминутно, страх стали его уделом в день собственного рождения. Кое-как дотерпев до конца уроков, он, игнорируя насмешки Мангана и его дружков, поплёлся домой. Свернув, из чистого любопытства, к полицейскому участку – сколько раз отец оставлял его здесь, давая возможность понаблюдать за собственной работой! – он заметил несколько машин с дублинскими номерами. Неподалёку слонялся «гарда» Мерфи – судя по жевательной резинке, едва перекрывавшей запах спиртного, и красным глазам, он не спал всю ночь, диспутируя с бутылкой. Дервал приблизился к нему и поинтересовался происходящим.

– Зря твой отец уволился. – Говоря так, Мерфи отвернулся в сторону, однако Дервал успел заметить, что взгляд «гар-

ды» беспокойно скачет с одного предмета на другой. – Может, когда всё вернётся в норму, ему стоит вновь поступить на службу...

Явная неуверенность, сквозившая в словах Мерфи, не скрылась от внимания Дервала.

– Да, конечно, мистер Мерфи, – ответил он ломающимся голосом. – А кого назначили расследовать смерть лейтенанта Макфаддена?

Мерфи мотнул головой в сторону низкорослого, чопорно одетого мужчины с аккуратно подстриженными усиками.

– Капитан Даффи – говорят, любой ищейке может дать фору. С ним целая оперативно-следственная группа.

Дервал задумчиво кивнул.

– Они арестуют Монтегю? Ведь ясно как божий день – это его работа!

Мерфи громко кашлянул и, гневно нахмурившись, посмотрел на Дервала сверху вниз:

– Вот что, малец! Ты в это дело не суйся – это я, «гарда» Мерфи, тебе говорю. – С этими словами он ткнул жёлтым от табака пальцем мальчику в грудь. – И сына моего ни во что такое не впутывай!

Дервал сразу почувствовал разницу с привычным, уважительным и подобострастным, отношением Мерфи к нему. От бывшего уважения и симпатии «гарды» не осталось и следа.

Невнятно пробормотав что-то, Дервал отступил на шаг, а затем, сдерживая слёзы, ретировался. Вскоре он уже был

дома. Аппетит почти отсутствовал, но пустой желудок напоминал о своих потребностях голодным урчанием. Поразмыслив секунду, Дервал прошёл на кухню. Разогрев вчерашнюю варёную картошку и, пожарив к ней пару яиц, он пообедал. Взяв, по обыкновению, чай в комнату, он взялся за уроки. Отцовский подарок – новенький мобильный телефон – он ещё даже не доставал из упаковки; для этого ещё настанет время. Тётка Мардж, ссылаясь на занятость, просила его зайти на следующий день, так что на этом праздник, посвящённый его тринадцатому дню рождения, можно было считать оконченным.

На душе у Дервала было пусто; он даже подумывал о том, не закурить ли ему, но, вспомнив, чем закончилось всё в прошлый раз – отец застукал его и отшлёпал по губам, – передумал. В конце концов, курение – отвратительная привычка, вызывающая рак лёгких; кроме того, не всё ещё так плохо, чтобы доставать припасы из тайников и готовиться к самоубийству.

Занятие чёрной магией, которое предложил ему Негъеши, казалось Дервалу, как ни странно, менее опасным. Страх, вызванный давешним чтением саморазлагающегося письма, уже прошёл, и сейчас сеанс колдовства казался просто хорошим способом скрасить одиночество. В конце концов, какой только бумаги сейчас не делают, особенно для розыгрышей или, тем более для шпионов. Да, действительно: Негъеши ведь мог оказаться иностранным шпионом, как-то свя-

занным с операциями «временных» за границей!

Последняя версия казалась правдоподобной и вместе с тем глупой. Что, к примеру, нужно иностранной разведке в заброшенном особняке Тэхмор-менор? Дервал посмотрел на будильник, стоявший на тумбочке близ кровати – стрелки показывали половину пятого. До полуночи оставалась ещё уйма времени.

Кое-как разобравшись с уроками, он включил телевизор и лёг отдыхать. Усталость, совершенно истощившая его нервы, накопилась как-то незаметно, и Дервал даже не заметил, как уснул.

Он проснулся от хлопанья входной двери. Судя по звукам шагов, принудившим его замереть в неподвижности, пришёл отец. Дервал бросил взгляд на циферблат – тот был хорошо различим в свете, излучаемом телевизионным экраном. Будильник мерно тикал, короткая стрелка указывала на цифру «8». Нетрудно было догадаться, что отец засиделся в «Золотом четырёхлистнике».

Дервал едва слышно застонал. Отец что-то бормотал себе под нос и то и дело ронял какие-то мелкие предметы. Наконец, он прошёл в гостиную и, опрокинув рюмочку, завалился на диван спать. Мгновение спустя Дервал услышал громкий храп, который может издавать лишь мертвецки пьяный человек.

Это многое облегчало. Дервал почувствовал болезненное желание сделать что-нибудь экстраординарное, даже если

для этого понадобится нарушить кое-какие правила. Отец в этот момент казался ему никудышным, конченным человеком. Это дружба с Монтегю, с дьяволом, его до такого довела – в этом не было никакого сомнения.

Слова на странном, непонятном ему языке Дервал выучил наизусть. Действия, которые следовало предпринять, казались совершенно безобидными с точки зрения уголовного права и законов физики. Некоторые опасения, правда, внушал странный порошок тёмно-серого цвета, содержащийся в письме, но, судя по запаху, он не являлся ни токсичным, ни ядовитым. На всякий случай, Дервал решил одеть резиновую перчатку, в которой мыл посуду. Когда приблизилось урочное время, он бесшумно открыл дверь и вышел в тёмную прихожую. Оглушительный храп отца ни на секунду не сбился с ритма; всё шло как по маслу.

Остановившись у ростового, из морёного дуба, трюмо, Дервал натёр порошком зеркало. Затем снял перчатку и, чувствуя себя одновременно и глупо, и торжественно, произнёс магическую формулу. Завершая её словами «...регол иг Пурсон!», произносимыми нараспев, он с мрачным удовлетворением отметил, что ровным счётом ничего не произошло. Зеркало оставалось всё таким же куском стекла.

Хмыкнув, Дервал вновь натянул перчатку и уже готовился было очистить зеркало от серой грязи, как вынужден был остановиться. Что-то шевельнулось – и нет, не его отражение, а сама поверхность! Не веря своим глазам, он замер.

В конце концов, ему могло просто померещиться, ведь он находился в полной темноте. Нет, уже не полной – зеркало осветилось изнутри!

Мальчик едва сдержал потрясённый возглас, уже готовый вырваться изо рта. Прямо перед ним располагался подземный кабинет Монтегю. Освещённый несколькими зловещего вида чёрными свечами, он не был пуст! Там находился Хромой Жерард и четверо мужчин, в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, отлично знакомые ему: Дилан Аллен, грузный, немногословный бармен с плешивой, словно растущей из плеч, головой; Дейв Шоу, спортивно сложенный студент-второкурсник, изгнанный из Нэшнл-колледжа²³; Ричард О’Ши, тощий, как жердь, но невероятно высокий – у него имелась собственная небольшая лавочка, торгующая продуктами; тяжеловесный силуэт Джонаса О’Нила, полуседого разорившего фермера, бросал огромную, подобную его репутации, тень – пугающую и вместе с тем бесформенную.

Дервал сразу же обратил внимание, что все пятеро стоят в ритуальных, напряжённых позах, формируя правильное кольцо. Жерард воздел руки к потолку, его шевелюра блеснула золотом в свете свечей:

– Здесь, сейчас, мы призовём на помощь великих Туата

²³ National College of Ireland (ирл. Coláiste Náisiúnta na hÉireann) – университет третьего уровня аккредитации, расположенный в Дублине. Выпускает специалистов в области торговли, психологии, кибербезопасности и пр.

Де Дананн²⁴– и пойдём в бой, готовые одержать победу над бесчисленными полчищами врагов!

Дервал коротко рассмеялся – сапфир, лежавший на полу точно в центре круга, свидетельствовал о том, что речь идёт отнюдь не о божестве. Рори Монтегю, дух которого вот уже двести лет как изводил жителей графства Монахан, готовился возродиться! В памяти его вновь всплыло лицо капитана Даффи: холодное, злое, с пронизательным взглядом. И слова Мерфи: «...с ним целая оперативно-следственная группа». Сопоставив всё, легко было прийти к очевидному выводу: уже выписан ордер на арест Монтегю, и сейчас должна начаться операция по его захвату.

Очевидно, Хромой не желал просто так сдаваться. Более того, вера его в силу Зла оказалась столь высока, что он готов был поставить на кон свою жизнь!

«Временные» запели один из своих гимнов; Дервал, пристально наблюдавший за Хромым, заметил, как тот исполняет какие-то загадочные жесты – его пальцы словно бы плели невидимую паутину. Монтегю использовал своих подчинённых, в то время как готовился вселить в их тела душу своего предка!

И это произошло. Осанка, тембр голосов, выражение их лиц, включая и самого Жерарда, неузнаваемо изменились. Это были уже другие люди – вернее, один и тот же человек,

²⁴ Туата Де Дананн (ирл. Tuatha Dé Danann), одно из мифических племён, правивших Ирландией, также именуется «кельтскими богами».

но в пяти разных телах. Слаженно, без единого звука, словно им и так всё было понятно, «временные» покинули кабинет через подземный ход. В руках у них было оружие.

Взгляд мальчика жадно впился в сапфир. Тот всё так же лежал на полу, словно в нём теперь не было никакой нужды. Однако Негъеши утверждал, что в первые минуты задуманная Монтегю магия обратима. Собравшись с духом, Дервал шагнул вперёд...

...И оказался в доме Монтегю! Камень, играя на свету чарующими оттенками синего, ослепительно-голубого и бледно-розового, лежал в шаге от него. Дервал знал, что именно нужно делать, хотя и не имел уверенности, хватит ли ему мужества. Наконец, выругавшись, он шагнул вперёд и решительно опустил пятку правой ноги на сапфир. Боль, немедленно вспыхнувшая в стопе, сопровождалась громким звоном и адским, словно тысячеголосым, криком. С удивлением Дервал осознал, что один из голосов принадлежит ему – и начал проваливаться в чёрный, бездонный омут.

Эпилог

Из больницы его выписали всего через неделю, позволив вернуться домой с первым автобусом. Дервал не стал спрашивать, почему отец не заехал за ним – всё казалось слишком очевидным. Пока за окном мелькали заиндеветшие луга и покрытые тонким ледком пруды – последствия ранних заморозков, – он вспоминал разговор с капитаном Даффи, соизволившим нанести личный визит. Да, он не помнил, как оказался в доме Монтегю, не помнил, как поранил ногу, и понятия не имел, как разбил голову. (Последнее, очевидно, случилось при падении, когда последний, уничтожающий импульс гнущего демона ударил в него и лишил чувств.)

Даффи с любопытством записал всё услышанное на диктофон и, наконец, поделился имевшейся информацией. Хромого и его «команду» арестовали без единого выстрела – все пятеро лежали без сознания у раскрытой двери в подземный ход.

– Наша затея с арестом, строго говоря, не имела смысла. – Лицо Даффи приняло кислое выражение. – Незаконное хранение оружия и наркотиков – вот те обвинения, которые мы смогли бы предъявить, причём далеко не всем. Другое дело – похищение и пытки; тут мы с тобой выручили друг друга, если можно так сказать. Они, видимо, как-то выманили тебя из дому вечером, когда отец спал – и оглушили ударом по

голове, а затем отвезли к Монтегю и упрятали в подвал.

В общем, так всё и было, хотя подлинный ход событий, прознай о нём Даффи, принудил бы следователя обратиться к психиатру для освидетельствования.

– Отца восстановят на службе? – Этот вопрос казался Дервалу ключевым. Даффи, однако, лишь пожал плечами.

– Видимо, да. Если он в состоянии будет дойти до участка и написать заявление, конечно. Вероятно, в данном случае и медицинское обследование не станет излишним.

Дервал угрюмо и сосредоточенно кивнул. На этом его общение с Даффи закончилось. В суд его обещали вызвать.

Автобус заскрипел тормозами и высадил его на остановке. Дервал вышел, как был – в старых, поношенных спортивных штанах и джемпере. Ветер, казалось, продувал все извилины головного мозга насквозь, а ступни, включая прооперированную, прикрывали лишь шлёпанцы.

Ему предстояло пройти почти километр, даже без носков – едва ли не босиком. Дервал, то и дело издавая всхлипы и стоны, преодолел около трети пути, когда навстречу ему попала тонкая, столь же высокая, как и он, фигурка.

– Кейт? – ошарашенно спросил он.

– Здравствуй, Дервал! – Лицо девушки, покрытое веснушками, казалось, просияло. Он вспомнил, как в первом классе её все дразнили конопатой – не то, что сейчас, когда она выросла настоящей красоткой. – Я...я...я тебя ждала!

Выпалив то, что, очевидно, долго готовилась сказать, она

вопросительно заглянула ему в глаза.

– Как видишь, я жив, – слабо улыбнулся он. – Правда, была операция, и мне наложили чёртову уйму швов.

– А Брендан тоже в школу не ходит, – вдруг ни с того ни с сего заявила она. – У него всё лицо почему-то опухло и нос сломан.

Дервал пожал плечами:

– Бывает.

– Хочешь, я тебя домой проведу?

– Нет, ты что! Я уже сам могу бегать и прыгать... ой! –

Дервал выпрямился, давая понять, что просто оступился. – Вообще, тобой Уолтер Мерфи интересовался.

Она весело, звонко рассмеялась:

– Это такой малолетка – тупой, весь в отца?..

Дервал улыбнулся – всегда приятно, когда у тебя есть компания, особенно женская. Герои этого заслуживают, в конце концов.

– Его отец – «гарда». Это своего рода диагноз и мировоззрение одновременно. Вроде алкоголизма.

– Когда-нибудь и ты таким станешь.

Они рассмеялись – на сей раз вместе.

– Пожалуй, ты права: есть болезни, передающиеся по наследству.